

«СООБЩЕНИЕ О ДЕЛАХ В ЮКАТАНЕ» ДИЭГО ДЕ ЛАНДА КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

«Сообщение о делах в Юкатане» Диэго де Ланда — основной источник по истории и этнографии индейцев майя во времена испанского завоевания. Ланда недаром называли «первоначальным историком» (*historiador primordial*) Юкатана. В его работе нашли отражение все стороны жизни древних майя. Приводимые им сведения подтверждаются другими испанскими источниками, текстами на языке майя и археологическими исследованиями. Никакой другой источник XVI в. нельзя сравнить с работой Ланда по богатству и разносторонности материала. Им постоянно пользовались последующие испанские историки Центральной Америки. Со времени открытия сокращенной копии рукописи Ланда французским американистом Брассёр де Бурбуром в 1863 г. работы европейских и американских ученых о древних майя, как общие обзорные, так и посвященные отдельным проблемам, неизменно основываются на этом незаменимом источнике.

История публикуемого текста довольно сложна. Есть предположение, что в основу его легли не дошедшие до нас труды Гаспара Антонио Чи, индейца с европейским образованием. Франсисканский монах Диэго де Ланда составил компиляцию из материалов индейского знатока, добавив сведения из других источников и собственные рассуждения. Оригинал компиляции Ланда не сохранился, но уцелела сильно сокращенная копия, которая и публикуется.

Чтобы правильно оценить и критически использовать «Сообщение о делах в Юкатане», следует кратко остановиться на биографии составителя компиляции и обстоятельствах ее написания.

Диэго де Ланда родился в 1524 г. в Сифуэнтес де Аль-карриа в Испании и происходил из знатного дома Кальдеронов. В 1541 г. он вступил в орден франсисканцев в монастыре Сан Хуан де лос Рейес в Толедо, а в августе 1549 г. отправился в Юкатан миссионером.

Юкатан был только что завоеван, и индейцы еще продолжали сопротивляться заокеанским захватчикам. Католическая церковь спешила уничтожить древнюю индейскую культуру и превратить индейцев в «добрых христиан», т.е. в своих покорных рабов. В 1545 г. в Юкатане появились первые четыре миссионера, посланные верховным комиссаром (*Comisario General*) франсисканцев в Мексике Мартином де Охакастро. В 1547 г. один из этих миссионеров, Николас де Альбалат, отпра-

вился в Испанию в качестве уполномоченного и возвратился в 1549 г. с пятью франсисканцами, в числе которых был и Диэго де Ланда.

Способности и усердие сразу выдвинули его, и он в первый же год был назначен помощником настоятеля только что основанного в Исамале монастыря Сан-Антонио. В то же время он обучал детей знатных индейцев, насильственно взятых монахами в монастырь. Как пишет сам Ланда, именно в этом, 1549 г. «по просьбе индейцев» монахи заняли под монастырь одно из древних зданий в Исамале.

К 1553 г. Ланда становится настоятелем монастыря, а еще через несколько лет — «хранителем» (Custodio) всей юкатанской миссии. В 1561 г. по решению франсисканского ордена Юкатан и Гватемала были превращены в единую церковную провинцию, и Ланда избрали первым провинциалом (т.е. главой франсисканцев в провинции).

Получив высшую духовную власть, Ланда проявил себя как ярый фанатик. Уже в следующем году, обнаружив массовое отпадение недавно крещеных индейцев от христианства, он учредил инквизицию в Юкатане. По его приказу было схвачено множество подозреваемых в «отступничестве». С них снимали допросы под пыткой. Инквизиционные трибуналы развернули свою страшную деятельность во многих городах Юкатана. 12 июля 1562 г. Ланда устроил в одной из древних юкатанских столиц, г. Мани, ауто-да-фе, во время которого было уничтожено множество «языческих» святынь, в том числе рукописи, написанные иероглифическим письмом; отпавшие от христианства индейцы были выставлены на позор и подверглись жестокому истязаниям. Через месяц после этого ауто-да-фе в Юкатан прибыл епископ Тораль. Жестокости Ланда вызвали недовольство даже епископа. Он немедленно приостановил преследование отпавших от христианства индейцев. Поведение епископа, в значительной степени объясняется разгоревшейся в это время враждой между испанскими завоевателями-конкистадорами и франсисканскими монахами (см. гл. XVII). Ланда протестовал против распоряжений епископа и в 1564 г. выехал в Испанию, чтобы оправдаться в своих действиях перед Советом по делам Индий. Виднейшие богословы Испании оправдали его, и в 1573 г. он возвратился в Юкатан в качестве епископа г. Мерида. Он умер в Мериде в 1579 г., «окруженный ореолом святости», как говорит Когольудо, его первый биограф.

Диэго де Ланда известен как автор многих сочинений. Он исправлял и дополнял грамматику языка майя, составленную Луисом де Вильяльпандо, одним из первых миссионеров. Им написано наставление в христианской вере и много проповедей на языке майя. В архивах Мексики и Испании сохранилось много его писем и донесений. Рукописи Ланда, бывшие еще в 1716 г. в монастырях Мексики и в Мериде, бесследно исчезли.

«Сообщение о делах в Юкатане» было написано в Испании в 1566 г. Ланда работал над ним не менее 10 лет, так как запись календарных праздников сделана, судя по приведенным датам, в 1553 г. Оно так и не появилось в печати до 1864 г. Возвратясь в Юкатан, Ланда взял рукопись с собой. После его смерти она сохранялась в франсисканском монастыре в Мериде. Вскоре с нее была снята копия (или несколько) и отправлена в Испанию. Работой Ланда пользовался Антонио де Эррера-и-Тордесильяс (1549–1625) при написании своей «Общей истории», Васкес де Эспиноса, автор «Описания Западных Индий» (XVII в.), и Диэго Лопес Когольюдо (1609–1670), автор «Истории Юкатана» (1688). Последний долго жил в Мериде и, вероятно, пользовался подлинной рукописью Ланда. Эта подлинная рукопись бесследно исчезла, по-видимому, около 1820 г., когда монахи были изгнаны из монастыря Сан-Франсиско в Мериде.

Около 1616 г. неизвестно кем была сделана сокращенная копия работы Ланда. На первой странице манускрипта написано: «Сообщение о делах в Юкатане, извлеченное из сообщения, которое написал брат Диэго де Ланда ордена св. Франсиска». На следующей странице стоит имя автора и дата — MDLXVI. Вместе с манускриптом найдены две географические карты Юкатана (рис. 1а, 1б). Манускрипт написан тремя разными почерками, он хорошо сохранился и легко поддается прочтению. Разночтения возможны главным образом в именах собственных, неизвестных по другим источникам, где сходные по начертаниям буквы *a* — *o*, *b* — *h*, *c* — *e*, *n* — *u* и другие плохо различаются. Копировщик пропустил множество глав и параграфов, нарушил порядок слов и целых строчек, так что некоторые места в тексте почти непонятны. Опущены некоторые рисунки, хотя в тексте остались фразы, их сопровождавшие. Первоначальный порядок изложения фактов изменен. Опущено деление на главы и параграфы. Только в трех случаях (гл. XLIII, XLVI, XLVII настоящего издания) сохранились названия параграфов Ланда. Последние главы, XLIII–LII, написанные другой рукой, отличаются от предыдущих большим количеством отступлений богословского характера. Ни других, более полных, копий, ни оригинала до сих пор обнаружить не удалось. Такова краткая история публикуемого текста.

Некоторые особенности текста «Сообщения о делах в Юкатане» показывают, что Ланда широко использовал источники на языке майя. Так, выражение «ураган четырех ветров» (с. 124) — очевидно, буквальный перевод с языка майя; утверждение, что панцири делались из «соли и хлопка» (с. 118) — результат неверно понятого слова майя и т.д.

Ланда сам неоднократно упоминает своих индейских осведомителей, особенно На Чи Кокома, который «был очень дружен» с ним и «много рассказывал ему о старине». На Чи Коком, по-испански дон Хуан Коком, — правитель (халач виник) Сотуты, потомок могуществен-

ной династии, правившей в Майяпане. Он был одним из наиболее упорных противников испанцев, но в конце концов перешел на их сторону (1542 г.) и принял христианство. Испанцы оставили его «каси́ком» Сотуты. Между прочим, именно он был виновником вероломного убийства посланцев из Мани в Оцмале (1536 г.), описанного Ланда в гл. XIV. Хуан Коком умер в 1561 г. тайным «язычником» и незадолго до смерти приносил человеческие жертвы в целях выздоровления. Имя его часто упоминается в делах инквизиционного следствия об «отступничестве от христианства», предпринятого Ланда в том же году. Наследовавший Хуану Кокому его брат Лоренсо, тоже только внешне принявший христианство, не ожидая результатов начатого Ланда следствия, повесился. История Юкатана до испанского завоевания изложена у Ланда, по всей видимости, со слов дона Хуана Кокома и притом в достаточной мере тенденциозно.

Но Ланда не упоминает своего главного осведомителя Гаспара Антонио Чи, который хорошо известен по другим источникам. Педро де Сантильяна, составитель «Сообщения из Кинакама» (CDU, XI, 264–265), пишет: «Вместе со мной составлял это сообщение уроженец здешних провинций по имени Гаспар Антонио Чи, обычно называемый испанцами Гаспар Антонио. Ему около 50 лет, и это человек хорошо грамотный, свободно владеющий испанским языком, мексиканским и майя, который его родной язык. Это человек, который знает очень верно [местные] особенности и знает их много больше, чем изложено в этом сообщении, потому что вышеупомянутый — уроженец этой страны; и епископы, которые были в ней, а именно брат Франсиско Тораль, царство ему небесное, и брат Диэго де Ланда, царство ему небесное, часто вводили его в свое общество как человека правдивого, чтобы узнать от него особенности и обычаи местных жителей, бывшие прежде и имеющиеся сейчас и упомянутые епископы верили [ему] как человеку авторитетному в делах, которые упомянутым Гаспаром Антонио были изучены и слышаны на языке этой страны» (1581 г.).

Гаспар Антонио Чи родился около 1531 г. в Мани. Он был внуком по матери правителя (халач виник) Мани На Моончан Шиу. Отец его На Пук Чи был *ах к'ульель* (должностное лицо) в Мани и погиб при избивании посланцев из Мани Кокомами в 1536 г. Во время испанского завоевания многие знатные индейцы Мани приняли христианство, и Гаспар Антонио Чи в возрасте 15 лет был отдан монахам для обучения. Он получил фамилию своей крестной матери Беатрис де Эррера, жены аделантадо Монтехо. По словам Санчеса де Агиляр, Гаспар Антонио Чи обучался у Диэго де Ланда и говорил по-испански «так же хорошо, как испанец». Пробыв некоторое время органистом в церкви, он затем сделался главным переводчиком губернатора. В 1580 г. Гаспар Антонио Чи подал королевскому правительству просьбу о пенсии, в которой писал,

что он «не был никак награжден за более чем 40 лет» службы, жаловался на свою бедность и неоплатные долги. Ему назначили пенсию в размере 80 песо в год, но, впрочем, через 3 года платить перестали; в 1594 г. он написал вторую просьбу о пенсии. Умер Гаспар Антонио Чи около 1610 г., по-видимому, так и не дождавшись награды за верноподданность испанскому королю.

Деятельность Гаспара Антонио Чи была весьма разнообразной и, по словам Санчеса де Агиляр, «все современники знали его». Он переводил проповеди на язык майя, а также составлял и представлял различные петиции индейской знати королевскому правительству. В 1577 г. в Юкатан был прислан от имени испанского короля «Вопросник» (обширная анкета с вопросами, касающимися географии, экономики, управления, истории и т.д.). Губернатор разослал этот «Вопросник» помещикам — энкомендеро, обязав их дать ответы на предложенные вопросы. В результате в различных местах Юкатана были составлены «Сообщения» (известные под общим названием «Сообщений из Юкатана» и опубликованные в XI и XIII томах «Собрания неизданных документов»). Но невежественным испанским помещикам было не под силу дать ответы на «Вопросник»; более чем в десяти «Сообщениях» прямо говорится, что автором многих (если не всех) ответов был Гаспар Антонио Чи. Несмотря на краткость, «Сообщения из Юкатана» (1579–1581) являются ценнейшим источником для изучения майя.

В «Архивах Индий» в Севилье удалось обнаружить два листа с отрывками оригинала работы Гаспара Антонио Чи «Сообщение об обычаях индейцев» (*Relacion sobre las costumbres de los Indios*, 1582), считавшейся утраченной и известной только по извлечению из нее у Когольюдо (IV, 4). Перевод этих двух листов (с восстановлением утраченных мест по Когольюдо) сделан Ройсом и опубликован Тоззером (в издании Ланда, 1941, Appendix C). Гаспар Антонио Чи был частью автором, частью переводчиком «Документов из Сотуты» (*Documentos de tierras de Sotuta*, 1600), собранных Пио Пересом и опубликованных Ройсом (R. L. Roys. *The Titles of Ebtun*. Washington, 1939). Некоторые исследователи считают Гаспара Антонио Чи автором «Родословного дерева Шиу», а Женэ приписывает ему также «Хронику из Чак-Шулуб-Чен» и «Хронику из Яшк'ук'уль».

В ряде случаев сведения Гаспара Антонио Чи несомненно тенденциозны. В «Сообщениях из Юкатана» он сильно преувеличивает могущество своих предков по матери, называя Шиу верховными правителями Майяпана и приписывая им необычайные заслуги. Размеры дани, которую взимали правители, у него сильно преуменьшены. Ланда отнюдь не всегда следует Гаспару Антонио Чи, хотя несомненно, что материалы последнего были использованы очень широко при написании «Сообщения о делах в Юкатане».

Из других осведомителей Ланда упоминает участника похода аделантадо Монтехо некоего Блас Эрнандеса, со слов которого изложена история завоевания Юкатана. Этот раздел у Ланда наиболее недостоверен, так как последовательность событий перепутана.

Ланда несомненно знал опубликованные при его жизни работы по Центральной Америке. Хотя он ссылается непосредственно только на Овидео, автора «Общей и естественной истории Индий» (1535 г.), он бесспорно был знаком и с «Общей историей Индий» (1554 г.) Лопеса де Гомара, а также, вероятно, с «Хроникой Новой Испании» (1560 г.) Сервантеса де Саласар. В главе LI он опровергает, хотя и не называя, Лас Касаса, девять памфлетов которого о Западных Индиях были напечатаны в 1552 г. Ланда имел полное основание иронизировать по адресу авторов сводных работ XVI в. (см. гл. LII), так как его «Сообщение о делах в Юкатане» написано на гораздо более высоком уровне благодаря использованию материалов хорошо осведомленных индейских информаторов.

Ланда писал свою работу в своеобразной политической обстановке, сложившейся в результате завоевания Центральной Америки. Испанские дворяне-конкистадоры (завоеватели), захватив богатые поместья на юкатанских землях, стремились превратить индейское население в своих рабов. Королевское правительство и церковь, заинтересованные в том, чтобы доходы с завоеванных за океаном земель поступали в их казну, стремились обратить всех индейцев в непосредственных подданных короны. В таких условиях разгорелась вражда между франсисканскими монахами, поддерживавшими королевскую политику, и новоявленными помещиками-энкомендеро, только что захватившими земли и индейцев. С этой враждой несомненно связано отстранение Ланда от дел в Юкатане и его отъезд в Испанию. Поэтому Ланда, писавший именно в это время «Сообщение о делах в Юкатане», отнюдь не был заинтересован в идеализации испанских конкистадоров; наоборот, он вполне объективен в описании их зверских расправ с населением. Зато деятельность франсисканцев им несомненно идеализирована. Настойчиво утверждая, что монахи всегда якобы защищали индейцев, он умалчивает о пытках и истязаниях, которым были подвергнуты тысячи тех же индейцев по его личному приказу. Восхищение древними постройками майя не помешало ему разрушать их и, в частности, снести замечательные памятники архитектуры в Исамале, заменив их монастырем.

Франсисканские монахи, стремясь подчинить население своему влиянию, старательно изучали язык, обычаи и особенности страны. Описания Ланда — это не поверхностные наблюдения солдата-завоевателя вроде Берналя Диаса, а результат внимательного изучения страны с помощью местных знатоков.

Следует отметить, что Ланда, неоднократно доказывающий местное, индейское происхождение древнеамериканской цивилизации, выгодно отличается от своих предшественников, приписывавших ее создание 10 коленам Израиля (Лас Касас) или выходцам из легендарной Атлантиды (Гомара, Овиедо). Эти фантастические «теории» поддерживались буржуазными учеными не только в XIX, но и в XX в.

Положительные стороны «Сообщения о делах в Юкатане» отнюдь не означают, что Дизго де Ланда был передовым человеком своего времени. В целом его работа написана с позиций защиты интересов испанской монархии и апологетики католицизма — достаточно прочесть его лицемерные рассуждения по поводу «благоденствий», оказанных индейцам испанскими королями. Ланда предстает перед нами не только как внимательный наблюдатель и прекрасный знаток индейцев, но и как католический монах-изувер, который под елейно-ханжескими фразами нередко скрывал зверскую жестокость своего обращения с покоренными индейцами. Организатор инквизиции в Юкатане и истребитель древней индейской культуры, Ланда показал себя достойным сыном католической церкви, освящавшей кровавый грабеж и закабаление коренных народов Америки.

Работа Ланда нуждается в критическом рассмотрении и во многих случаях должна быть дополнена данными других источников. Учитывая громадный объем затронутых проблем, целесообразно рассмотреть в целом большие разделы, на которые она распадается, уделяя главное внимание наиболее важным вопросам, разрешение которых необходимо для дальнейшего изучения майя и преодоления реакционных взглядов большинства зарубежных ученых на историю и культуру майя.

В главах I–IV Ланда дает краткое географическое описание Юкатана и историю открытия его испанцами. Эти главы нуждаются в дополнениях общего характера.

Полуостров Юкатан представляет собой низменную равнину, образованную горизонтально залегающими известняковыми пластами. В известняках образовались карстовые пустоты, в связи с чем сток воды большей частью подземный и рек почти нет (см. гл. XLIV). В тех местах, где кровля таких пустот обрушилась, возникли неглубокие карстовые воронки с чистой прозрачной водой — так называемые сеноты (на языке майя *ц'онот*). Юкатанская равнина прерывается только несколькими грядами невысоких холмов (наибольшая высота около 150 м).

Более сухая северо-западная часть полуострова покрыта кустарниковыми лесами, чередующимися с саваннами. На юго-востоке с увеличением количества осадков, кустарники уступают место высоким тропическим лесам. Флора и фауна достаточно подробно описаны Ландой в главах XLV–L. Год в Юкатане подразделяется на два сезона — сухой и дождливый. Так как вопрос о климате чрезвычайно важен для пони-

мания особенностей земледелия, ниже приводится таблица средней температуры и количества осадков (табл. 1), по наблюдениям метеорологической станции в г. Мерида в северо-западной части полуострова (1894–1927 гг.).

Таблица 1

Месяцы	Средняя температура по Цельсию	Количество осадков (в мм)
Январь	22,6	27,9
Февраль	23,1	17,8
Март	25,5	25,4
Апрель	27,0	22,9
Май	28,5	66,1
Июнь	27,6	177,8
Июль	27,5	114,3
Август	27,3	137,2
Сентябрь	27,0	134,6
Октябрь	25,8	83,8
Ноябрь	24,1	40,6
Декабрь	22,9	27,9
За год	25,7	876,3

В политическом отношении большая часть полуострова принадлежит Мексике — штаты Юкатан и Кампече и территория Кинтана Роо. На восточном берегу полуострова находится Британский Гондурас (коллония Англии), а южная часть вместе с озером Петен-Ица входит в департамент Петен республики Гватемалы.

Коренное население Юкатана — индейцы майя — в лингвистическом отношении входят в состав большой языковой семьи, тоже называемой майя (или, иначе, майя-киче). Точное количество индейцев, говорящих на языках майя, неизвестно. В официальных данных переписи 1942 г., приведенных у Морли (1946, tab. 1), многие цифры явно преуменьшены. Будет нелишним, однако, все же привести их, так как они дают хотя бы приблизительное представление о численности отдельных групп языковой семьи майя.

Языковая семья майя распадается на 6 групп близко родственных между собой языков. В первую группу входят юкатанские майя (собственно майя) и лакандоны. Они живут в мексиканских штатах Юкатан, Кампече, на территории Кинтана Роо, в Британском Гондурасе и гватемальском департаменте Петен. По переписи 1942 г. их насчитывалось около 317 тыс. чел. Вторую группу составляют киче и близкие к ним по языку какчикели, цутухиль, кекчи, покомам, покомчи, живущие в Гватемале, мексиканском штате Чиapas и отчасти в Британском Гондурасе. Их насчитывалось около 1 млн 44 тыс. чел. Третью группу составляют мам и близкие к ним хакальтека, агватека и ишиль, живущие в Гватемале и Чиapasе (около 310 тыс. чел.). Четвертую группу составляют центаль и цоциль, живущие в штате Чиapas (около 107 тыс. чел.). Пятую группу составляют чоль и близкие к ним чонталь, чух, чорти, тохолабаль, живущие в мексиканских штатах Чиapas и Табаско, в Гватемале и отчасти в Гондурасе (около 134 тыс. чел.). К шестой группе относятся хуастеки, живущие в стороне от основной области расселения майя, в мексиканских штатах Вера-Крус, Сан Луис Потоси и Тамаулипас (около 45 тыс. чел.). По культуре они значительно отличались от остальных представителей языковой семьи майя.

Таким образом, по переписи 1942 г., цифры которой приведены выше, общая численность индейцев, говорящих на языках майя, составляет около 2 млн человек. Фактически их, вероятно, не менее 2,5 млн. При этом следует иметь в виду, что майя составляют абсолютное большинство в Гватемале, где при общей численности населения примерно в 3 млн две трети составляют индейцы и одну треть метисы, тогда как лиц европейского происхождения менее 1 %.

Во времена испанского завоевания индейцы языковой семьи майя находились на различном уровне развития. У юкатанских майя, по видимому, уже давно сложилось классовое общество. Другие, например лакандоны, находились еще на стадии родового строя. Древнейшие города-государства майя, возникшие уже в первые века нашей эры, оказали значительное культурное влияние не только на племена, родственные по языку, но и на соседние народы Мексики (сапотеков и тольтеков).

Историю открытия Юкатана испанцами более подробно, чем Ланда, описал участник экспедиций Кордовы и Грихальвы, а затем капитан одного из кораблей эскадры Кортеса Берналь Диас дель Кастильо в своей «Истинной истории завоевания Новой Испании» (впервые опубликована в 1632 г., имеется русский перевод). После открытия Америки Христофором Колумбом в 1492 г. испанцы обосновались прежде всего на островах Антильского архипелага. Уцелевшие от массовых избиений при захвате островов местные жители были обращены в рабство. Колонизаторы, в большинстве случаев нищие искатели приключений и уголовные преступники, стремились возможно скорее скопить себе состоя-

ние, и индейцы тысячами умирали в рудниках и на плантациях. После зверского истребления коренного населения Кубы и Гаити (Эспаньолы) испанские авантюристы в погоне за золотом и рабами начали предпринимать одну за другой грабительские экспедиции к берегам Центральной Америки. Однако первые попытки высадить десант на юкатанском берегу встретили ожесточенное сопротивление индейцев и были отбиты, несмотря на огонь корабельной артиллерии. Испанцы оставили на некоторое время Юкатан в покое и бросились грабить Мексику, где, используя вражду между индейскими племенами, добились быстрых успехов. Ланда излагает события в основном правильно, хотя расходится с Берналем Диасом во многих мелких деталях и пропускает некоторые события (например, стычку на мысе Коточ). Наиболее существенные расхождения оговорены в примечаниях.

В главах V–X Ланда излагает историю Юкатана до испанского завоевания. Кроме Ланда, важнейшими источниками для изучения этой эпохи являются материалы археологических раскопок, пять хроник на языке майя (в книгах Чилам Балам) и «Сообщения из Юкатана» (ответы на «Вопросник» 1577 г., составленные главным образом Гаспаром Антонио Чи). Некоторые дополнительные сведения есть у испанских авторов XVII в. (Лисана, Торкемада, Санчес де Агиляр, Эррера, Когольюдо, Вильягутьерре).

У Ланда история Юкатана изложена подробнее, чем в любом другом источнике. Чтобы разобраться, в какой мере это изложение правильно, следует рассмотреть противоречивые сообщения различных авторов. При этом важно отметить, что толкование источников американскими учеными, особенно Морли, труды которого пользуются широким распространением, еще более тенденциозно, чем сами источники.

Прежде чем перейти к рассмотрению сообщений Ланда, необходимо сделать краткий обзор древнейшего периода истории майя, известного исключительно по археологическим данным.

Полуостров Юкатан и прилегающие территории были населены уже во II тысячелетии до н. э. небольшими по численности племенами низкорослой брахикефальной расы, которые занимались охотой, рыбной ловлей и собирательством, часто меняя место жительства.

По-видимому, в начале I тыс. до н.э. появилось земледелие. Важнейшим средством питания стала кукуруза. Наряду с ней начали возделываться многие другие культурные растения — бобы, тыквы, томаты, различные корнеплоды, зеленый перец, какао, хлопчатник, агавы (из которых добывалось волокно), табак. Характерные археологические находки этой эпохи — грубая керамика (так называемый тип Мамом) со скудной орнаментацией из нескольких линий, начертанных на поверхности сосуда, и статуэтки, изображающие женские торсы и мужские головы.

На рубеже нашей эры к северо-востоку от озера Петен-Ица возникли древнейшие города-государства. Здесь в развалинах целого ряда городов — Тик'аль, Вашактун, Волантун, Балак'баль и других — обнаружены каменные сооружения (платформы и пирамиды), скульптурные стелы и иероглифические надписи на камне. У майя был обычай воздвигать в конце каждого «двадцатилетия» (*к'атуна*) стелу (большую плиту из известняка) с иероглифической надписью, которая начинается датой. Эти даты — единственное, что сумели прочесть в иероглифических текстах майя американские и западноевропейские ученые, благодаря тому, что у Ланда и в книгах Чилам Балам имеются подробные сведения о календаре и хронологии майя. По датам в надписях на стелах и стенах зданий можно приблизительно судить о времени существования городов. Древнейшая известная датированная стела (№ 9, Вашактун) была воздвигнута в 328 г. н.э. (пересчет на европейское летоисчисление дается по наиболее распространенной системе Томпсона).

Города в долине реки Усумасинты (Яшчилан, Пьедрас Неграс, Паленке) и на юге (Копан, Киригуа) относятся к более позднему времени. Самые ранние из обнаруженных здесь надписей датируются V — началом VI в. Никаких исторических сведений об этих городах нет, а иероглифические надписи — единственный возможный источник — не прочтены. О высоком уровне культуры в этих городах можно судить по великолепным памятникам архитектуры, скульптуры и настенной живописи (особенно большое значение имеют фрески Бонампака, изображающие военные сцены). Все древние города майя погибли в конце IX — X в., судя по тому, что датированные надписи обрываются в это время. По наиболее правдоподобной гипотезе причиной гибели городов было истощение полей в связи с особенностями подсечно-огневого земледелия майя.

История Юкатана у Ланда, Лисана и в хрониках майя начинается с колонизации восточного побережья («Малое нашествие»). Ланда, ссылаясь на слова стариков (с. 110), говорит о «народе, пришедшем с востока». По сообщениям хроник, в «двадцатилетие» (*к'атун*) 8 Ахау (416–435 гг.) группа майя населила провинцию Сийянкан Бак'халаль и оставалась там три «двадцатилетия» (435–495 гг.). Эта группа майя — по-видимому, выходцы из городов, расположенных к северо-востоку от озера Петен-Ица, древнейшего центра цивилизации майя. Провинция Бак'халаль — восточное побережье Юкатана от озера Бакалар к северу, вероятно, до острова Косумель. «Малое нашествие» завершается основанием города Чичен-Ица в «двадцатилетие» 13 Ахау (495–514 гг.). Хроники не упоминают, было ли здесь прежде какое-либо население.

Правильность сообщений источников подтверждается наличием развалин городов на восточном побережье Юкатана — Цибанче и Ичпаатун возле озера Бакалар, а также Тулум и Коба напротив острова

Косумель. Древнейшие надписи, найденные в этих городах, датируются 564 г. (Тулум), 593 г. (Ичпаатун), 623 г. (Коба). От города Коба прямо на запад идет мощная дорога длиной около 100 км, заканчивающаяся в 20 км от Чичен-Ицы. Гаспар Антонио Чи (CDU, XI, 176) называет Чичен-Ицу древнейшим поселением, первым, которое было заселено «после потопа». Ройс (1933, 133) на основании одного довольно неясного места в книге Чилам Балам из Чумайеля полагает, что древнее название Чичен-Ицы было Вук-Ябналь. Чичен-Ица оставалась крупнейшим центром в северном Юкатане более столетия. Затем жители покинули ее и направились в Чак'анпутун. По одной из хроник, это событие произошло в «двадцатилетие» 1 Ахау (613–633 гг.), по другой — в «двадцатилетие» 8 Ахау (672–692 гг.). Причины ухода из Чичен-Ицы в хрониках не упоминаются. Возможно, они были те же, что и причины оставления древних городов майя на юге. Впрочем, как свидетельствуют археологические данные, часть населения осталась в Чичен-Ице. Чак'анпутун, по-видимому, название не одного города (некоторые исследователи отождествляют его с Чампотоном), а целой провинции в юго-западной части Юкатана, важнейшим центром которой был город Эцна, известный только по раскопкам (найденные здесь надписи датируются началом VIII в.).

Следующий период связан с проникновением в Юкатан мексиканцев (тольтеков). Рассказ Ланда об этих событиях во многом расходится с другими источниками. Главными осведомителями Ланда были дон Хуан Коком (на которого он ссылается, с. 125) и, вероятно, Гаспар Антонио Чи (которого он не упоминает). Обоих этих осведомителей никак нельзя заподозрить в беспристрастности — оба принадлежали к смертельно враждовавшим между собой династиям (что отмечает сам Ланда, с. 124). В «Сообщениях из Юкатана» (CDU, XI, 176, 200, 242) Гаспар Антонио Чи явно в целях возвеличения рода Шиу излагает историю этого периода следующим образом: более 200 лет главным центром была Чичен-Ица; спустя много лет после этого гегемония перешла к Майяпану, где правили «сеньоры» Шиу, которые якобы установили в стране порядок и даже изобрели иероглифические письмена (фактически изобретенные более тысячи лет назад). Хотя в некоторых фразах Ланда можно узнать Гаспара Антонио Чи (например, на с. 116: «...сеньор Тутуль Шиу сделался самым почитаемым из всех», причем тут же говорится, что верховная власть принадлежала Кокому), в целом Ланда привел версию не его, а дона Хуана Кокома, еще более тенденциозную, но в другом роде. Коком возвел начало владычества своего рода ко временам легендарного тольтекского завоевателя К'ук'улькана (X в.). С этого времени якобы начинается период гегемонии Майяпана, где правила династия Кокомов. Чичен-Ица в этой версии вовсе не фигурирует, если не считать глухого упоминания о ней в самом начале VI гл.

При сопоставлении с другими источниками выясняется, что в версии Гаспара Антонио Чи правильно изложены факты до гегемонии Майяпана, а у Ланда (версия Кокома) — после начала гегемонии Майяпана.

Хроники майя сообщают, что выходцы из Чичен-Ицы жили в Чак'анпутуне с «двадцатилетия» 6 Ахау (692–711 гг.) до «двадцатилетия» 8 Ахау (928–948 гг.), когда Чак'анпутун был разгромлен (очевидно, тольтеками). После этого «люди ица», как их теперь называют хроники, ушли из Чак'анпутуна и в «двадцатилетии» 4 Ахау (968–987 гг.) «второй раз» заселили Чичен-Ицу. Вопрос о том, кто такие «люди ица», далеко не ясен. Тексты майя называют их «бормочущими», т.е. говорящими на непонятном языке, и «народом без отцов и матерей». Последний эпитет объясняется сообщением Авенданьо, который пишет, что у ица был обычай обезглавливать стариков (за исключением жрецов), когда им исполнялось 50 лет, чтобы они не стали колдунами. Некоторые исследователи (Морли, Баррера Васкес) полагают, что название «ица» носила группа майя, населившая Бак'халаль в V в., а затем основавшая Чичен-Ицу. Когда Чичен-Ица была покинута, часть ица ушла в Чак'анпутун, откуда вернулась в X в. уже смешанной с мексиканцами, но сохранив прежнее название. Другие авторы (Тоззер) считают, что ица — народ, живший в юго-западной части Юкатана и говоривший на диалекте чонталь, который плохо понимали в Северном Юкатане. По Ройсу, ица — мексиканского происхождения.

Во всяком случае несомненно, что ица, пришедшие из Чак'анпутуна в Чичен-Ицу в X в., были смешанной майя-мексиканской группой и сильно отличались по языку и обычаям от местных жителей. Одна из хроник сообщает: «Их признали владыками, когда они пришли в Чичен-Ицу, и с тех пор они называются людьми ица». Пророческий текст книги Чилам Балам из Чумайеля говорит, что в «двадцатилетие» 4 Ахау К'ук'улькан вместе с людьми ица пришел в Чичен-Ицу. К'ук'улькан — буквальный перевод на язык майя имени мексиканского божества Кецалькоатль («птица-змея», или «пернатый змей»). Некоторые авторы пытались видеть в нем историческую фигуру. Однако же имя его не упоминается ни в одной хронике майя. По-видимому, имя мексиканского бога употреблялось как олицетворение тольтекского завоевания вообще и выражение пророческого текста «придет К'ук'улькан» означает «придут мексиканцы, поклоняющиеся богу К'ук'улькану». Найденные в «Колодце Жертв» в Чичен-Ице золотые диски с изображениями боев между тольтеками и майя свидетельствуют о том, что «люди ица» овладели Чичен-Ицей после жестоких сражений. В «Сообщениях из Юкатана» говорится об изменении религии в Чичен-Ице после прихода Кукулькана, в частности о введении человеческих жертвоприношений.

В это же время в Северном Юкатане появляются тутуль шиу — другая смешанная майя-мексиканская группа. По сообщениям хроник,

тутуль шиу пришли (по-видимому, из Мексики) в страну Ноноваль (район Шикаланго, к западу от лагуны де Терминос) и оставались здесь 4 «двадцатилетия» (849–928 гг.). Баррера Васкес полагает, что тутуль шиу — группа майя, жившая до переселения в Ноноваль, в Мексике, с тольтеками. Покинув Ноноваль, одна из групп тутуль шиу во главе с вождем Чан Тепеух в 1-й «год» (тун) «двадцатилетия» 13 Ахау (1108 г.) заняла Чакнабитон (по-видимому, западное побережье Юкатана, между г. Чампотон и лагуной де Терминос), где оставалась 99 «лет» (до 1106 г.). О дальнейшей судьбе этой группы хроники не упоминают. Вторая группа тутуль шиу во главе с вождем Ах Суйток' Тутуль Шиу в «двадцатилетие» 2 Ахау (987–1007 гг.) основала город Ушмаль. В так называемом «Родословном дереве Шиу» (составленном, вероятно, Гаспаром Антонио Чи) основатель Ушмаля назван Хун Вициль Чак Тутуль Шиу («Могучий горный Чак») — это, по-видимому, прозвище того же вождя, вполне подходящее для основателя второго после Чичен-Ицы крупнейшего центра Северного Юкатана, расположенного в холмистой местности Пуук. Сообщения хроник согласуются с рассказом Ланда о появлении племен тутуль шиу, которые поселились к югу от Майяпана, после того как 40 лет скитались в пустыне (стр. 116). Действительно, между уходом тутуль шиу из страны Ноноваль (928–948 гг.) и основанием Ушмаля (987–1007 гг.) прошло ровно два «двадцатилетия» (948–968 и 968–987 гг.). Баррера Васкес полагает, что рассказ Ланда имеет в виду первую группу тутуль шиу (после ухода ее из Чакнабитона) и, следовательно, относится к середине XII в. Это, однако, менее вероятно, так как Ланда рассказывает о первом появлении тутуль шиу в Северном Юкатане. Тутуль шиу (если считать их мексиканцами по происхождению) за время пребывания в стране Ноноваль, по-видимому, подверглись очень сильному влиянию майя. Во всяком случае в архитектуре Ушмаля гораздо менее заметно мексиканское влияние, чем в архитектуре Чичен-Ицы позднего периода и Майяпана.

По Гаспару Антонио Чи (CDU, XI, 176, 271), более 200 лет центром тольтекского владычества была Чичен-Ица, «сеньоры» которой не только собирали дань в юкатанских провинциях, но и получали дары «в знак мира и дружбы» из Мексики, Чиапаса и Гватемалы. Санчес де Агиляр (1892, 94–95) говорит, что за шесть столетий до прибытия испанцев майя были «вассалами» мексиканцев и что от этого периода сохранились великолепные постройки в Чичен-Ице и Ушмале. Оба эти автора совсем не упоминают о роли Майяпана в это время. Ланда, явно следуя тенденциозной версии дона Хуана Кокома, напротив, утверждает, что после «ухода К'ук'улькана» гегемония принадлежала Майяпану, где правили Кокомы. По словам хроники майя, тутуль шиу «200 лет [т.е. тунов] правили в земле Ушмаля, вместе с правителем [халач виник] Чичен-Ицы и Майяпана» (с 987 по 1185 г.). Этот текст подтверждает пра-

вильность приведенной у Ланда (стр. 118) даты основания Майяпана (X в.), но из него никак не следует, что главенствующая роль принадлежала правителям этого города. Археологические данные подтверждают версии Гаспара Антонио Чи и Санчеса де Агиляр. Именно к этому времени относятся такие грандиозные сооружения, как знаменитая «Пирамида К'ук'улькана» в Чичен-Ице и «Дом волшебника» в Ушмале. Майяпан в это время был второстепенным центром. Морли, обследовавший развалины Майяпана, пришел к выводу, что этот город достиг политического преобладания не ранее XII–XIII вв. (Тоззер, 1941, 24). Это подтверждают и позднейшие археологические исследования, согласно которым находки тольтекского периода почти отсутствуют в Майяпане (CIW, Year Book № 51, 1951–1952, 236–237).

«200-летний» период тольтекского владычества закончился длительными войнами между юкатанскими городами. Согласно хроникам майя и историческому тексту книги Чилам Балам из Чумайеля, в конце XII в. верховную власть в Майяпане захватил Хунак Кеель из рода Кавич. Тексты подчеркивают, что он «не был правителем прежде». Обстоятельства прихода его к власти довольно своеобразны. Правители завели обычай бросать в «священный» колодец (точнее, провал) в Чичен-Ице живых людей, для того чтобы они побывали у богов и, возвратившись, возвестили предстоящие события. Однако никто из «посланцев» не возвращался. И вот один из таких обреченных (или, что менее вероятно, доброволец) незнатного происхождения по имени Хунак Кеель бросился в провал и каким-то чудом сумел из него выбраться. Он возвестил, очевидно, что боги повелевают передать власть ему, так как его провозгласили верховным правителем Майяпана. Но Хунак Кеель претендовал на гегемонию во всем Юкатане и начал военные действия против Чичен-Ицы.

По преданию ица (записанному в 1618 г. Фуэнсалидой), когда они жили в Чичен-Ице, один из их правителей похитил во время свадебного пира невесту у другого могущественного правителя, что и послужило причиной войны (Когольудо, IX, 14). В книге Чилам Балам из Тисимины (стр. 22–23) говорится, что невеста была похищена у Улиля, правителя Ицмаля (у Ланда — Исамаль). Намек на этот эпизод (давший повод к сравнениям с Троянской войной) можно видеть в сообщении хроник майя о том, что «люди Майяпана» в «двадцатилетие» 8 Ахау (1185–1204 гг.) «пошли уничтожить владыку людей Ульмиля из-за его пира с Улилем, владыкой людей Ицмаля». При этом похитителем оказывается правитель не самой Чичен-Ицы, а Ульмиля, очевидно, подвластного Чичен-Ице. Многие комментаторы неправильно считали, что Ульмиль («место индюков») — имя правителя. Баррера Васкес отождествляет Ульмиль с развалинами Аканкех. Но хроники майя причиной войны между Майяпаном и Чичен-Ицей называют не похищение не-

сты, а «заговор» (*у к'ебан т'ан*) Хунак Кееля. В 10-й «год» (тун) «двадцатилетия» 8 Ахау (1194 г.) войска Хунак Кееля под командованием семи полководцев, носящих чисто мексиканские имена, взяли Чичен-Ицу. Разбитый и свергнутый правитель Чичен-Ицы Чак Шиб Чак увел остатки своих людей в труднодоступные леса Тан Шулук Муль (около озера Петен-Ица). Исторический текст книги Чилам Балам из Чумайеля сообщает, что Хунак Кеель убрал ежевые камни с засеянных полей, принадлежавших «людям ица» (очевидно, намек на захват земель), после чего в Чичен-Ице наступила нищета. Ушмаль, по-видимому, действовал на стороне Майяпана, так как тот же исторический текст упоминает, что какой-то Хапай Кан, по-видимому, весьма важное лицо в Чичен-Ице, «был пронзен стрелой у окровавленной стены Ушмалья». Согласно одной из хроник, Хунак Кеель взял также Ицмаль. Комментаторы склонны поэтому считать, что Ицмаль действовал вместе с Чичен-Ицей против Майяпана. Однако в другой хронике сказано, что жители Чичен-Ицы «покинули свои дома вместе с владыкой Ульмиля из-за людей Ицмалья и заговора Хунак Кееля» (Баррера Васкес неправильно перевел это место таким образом: «...покинули свои дома вместе с владыкой Ульмиля и людьми Ицмалья из-за заговора Хунак Кееля»). Вероятно, Хунак Кеель сначала в союзе с Ицмалем разгромил Ульмиль и своего главного противника — Чичен-Ицу, а затем обратился против прежнего союзника.

События конца XII в. изложены у Ланда в виде слышанного им от стариков рассказа о «трех братьях-сеньорах», правивших в Чичен-Ице (стр. 112, 201). Этот рассказ невозможно было включить в тенденциозную версию Кокома, поэтому Ланда оставил его изолированным и отнес ко временам до К'ук'улькана. Но сообщение о «трех братьях-сеньорах», пришедших с запада, скорее всего можно понять как намек на тольтекское завоевание и союз трех городов, из которых преобладала Чичен-Ица. Один из этих «сеньоров» впал в грех — очевидно, намек на эпизод с похищением невесты — и удалился в сторону Бак'халалья, т.е. как раз туда, куда Чак Шиб Чак увел остатки «людей ица».

После взятия Чичен-Ицы в 1194 г. часть ица, оставшихся в Северном Юкатане, продолжала борьбу с Майяпаном. Хроники сообщают, что в «двадцатилетии» 4 Ахау (1224–244 гг.), «люди ица» вместе с «владыкой людей Ульмиля» взяли Майяпан и изгнали из него «чужеземцев с гор» (т.е., очевидно, мексиканцев-чичимеков, на которых опирался Хунак Кеель). Примерно в то же время (если принять хронологические расчеты Баррера Васкеса) военачальники ица К'ак'-у-пакат и Тек-Уилу разгромили Чак'анпутун. В «Сообщениях из Юкатана» (CDU, XI, 77, 224) говорится, что К'ак'-у-пакат (букв. «Огненный Лик») взял и разрушил также Ицмаль и Мотуль, занятые, очевидно, ставленниками Майяпана.

Следующий период связан с возвышением Майяпана. Одна из хроник сообщает, что в «двадцатилетии» 13 Ахау (1263–1283 гг.) часть «людей ица» обосновалась в Майяпане, видимо смешавшись со своими недавними противниками, и «с тех пор их называют людьми майя». Рассказ Ланда о приходе к власти в Майяпане рода Кокомов (стр. 113) относится именно к этому времени. Тенденциозная версия Гаспара Антонио Чи, согласно которой в Майяпане правили «сеньоры» Шиу, опровергается другими источниками (например, Понсе). Кокомы, опираясь на мексиканцев из Табаско и Шикаланго, добились гегемонии в Юкатане и удерживали ее до середины XV в. Правление Кокомов, которые, по словам Ланда, грабили и обращали в рабство «простой народ» с помощью мексиканских наемников, вызвало возмущение населения. Этим воспользовались правители городов, стремившиеся к независимости от Майяпана и сами претендовавшие на гегемонию. В 1441 г. началось восстание, во главе которого стоял влиятельный правитель Ушмалья Ах Шупан Тутуль Шиу. Майяпан был разрушен, и, как говорит хроника майя, «находящиеся внутри стен были изгнаны теми, кто был вне стен».

После разрушения Майяпана наступил период раздробленности, о котором Ланда рассказывает в главах IX–X. Рассказ Ланда совпадает с известиями других источников и нуждается только в незначительных дополнениях.

Чичен-Ица после разгрома 1194 г. уже не играла сколько-нибудь значительной роли. Только святилища древней покинутой столицы сохранили за ней значение религиозного центра.

«Люди ица», изгнанные Хунак Кеелем, удалились в непроходимые леса около озера Петен-Ица. Здесь они основали город Тах-Ица (Тайясаль), который благодаря своей недоступности был завоеван испанцами только в 1697 г.

В Майяпане часть населения оставалась и после разрушения 1441 г., а окончательно он опустел только после эпидемии 1485 г. (по Ланда — 1480 г.), когда, по словам хроник, «грифы [птицы, питающиеся мертвечиной] вошли в дома Крепости [Майяпана]».

Тутуль шиу покинули свою древнюю столицу Ушмаль и переселились в новый город — Мани, где и застали их испанцы. Некоторые исследователи считают, что Ушмаль был покинут задолго до разрушения Майяпана.

В последний раз стела в честь окончания «двадцатилетия» была воздвигнута в 1559 г. В это «двадцатилетие», говорит хроника, индейцы «перестали называться людьми майя, имя им всем — христиане, поданные святого Петра в Риме и его величества короля».

Хронология хроник майя никак не может считаться надежной. Авторы хроник старались подогнать исторические события под определенные «роковые» даты. В одной из хроник (которая, по определению

Баррера Васкеса, была написана в 1286 г.) «роковым» считается «двадцатилетие» 8 Ахау, а так как «двадцатилетие» с тем же названием повторяется каждые 256 лет, то самые крупные события в этой хронике отделены друг от друга ровно 256 годами (приход в Бак'халаль, уход из Чичен-Ицы, уход из Чак'анпутуна, изгнание из Чичен-Ицы). Такая «символика чисел» чрезвычайно понравилась некоторым американским ученым, а наиболее крупный авторитет в области майя Морли построил на ней свою периодизацию истории Юкатана. Нелепость такой периодизации слишком очевидна. По справедливому замечанию Тоззера (1941, 21), гораздо вероятнее предположить, что исторические события подгонялись авторами хроник под «роковые» даты, чем наоборот, — что майя страдали навязчивой идеей о необходимости устраивать крупные события каждые 256 лет. Тем не менее периодизация Морли пользуется широким распространением. Морли делит историю «Нового царства» (как он называет эпоху после тольтекского завоевания) на три периода: 1) Майяпанская лига, иначе период Пуук, или Ренессанс майя (987–1194 гг.), 2) гегемония Майяпана, иначе Мексиканский период (1194–1441 гг.), 3) период раздробленности (1441–1697 гг.). В этой периодизации все даты, кроме 987 г., соответствуют «роковому двадцатилетию» 8 Ахау.

Название «Майяпанская лига», как указывалось выше, ничем не оправдано. Главенствующая роль в это время принадлежала Чичен-Ице, а вторым по значению городом был Ушмаль. Начало этого периода следует отнести к середине X в. (вторжение тольтеков в Северный Юкатан). С 1194 г. (фактически, вероятно, раньше) начинается не гегемония Майяпана, а период междоусобных войн, которые закончились взятием Майяпана в «двадцатилетие» 4 Ахау (1224–1244 гг.). Гегемония Майяпана начинается не раньше, чем с конца XIII в. Невозможно отождествлять Хунак Кееля (который был из рода Кавич) с Кокомом в рассказе Ланда, как это делают Морли, Тоззер и другие авторы. «Период раздробленности» заканчивается в 1541–1546 гг. (испанское завоевание). Ко времени взятия Тайясаля (1697 г.) весь Юкатан уже полтора столетия был под испанским владычеством. Не менее произвольно установлены у Морли периоды ранней истории майя. В частности, по совершенно непонятной причине (скорее всего из пристрастия к числу 3) первые века до и после нашей эры, когда уже возникли города-государства и была изобретена письменность, он относит к эпохе «Пре-майя».

Вторая периодизация истории Юкатана, предложенная Томпсоном, основана главным образом на археологических данных. Томпсон различает период Пуук (700–1000 гг.), период иноземного господства (т.е. тольтекский, 1000–1200 гг.), период возрождения майя (1200–1450 гг.) и период раздробленности (1450–1540 гг.). Если периодизация Морли страдает пристрастием к «роковым» датам, то периодизацию Томпсона

можно упрекнуть в злоупотреблении круглыми цифрами. Нет прямых оснований начинать период Пуук с 700 г., так как тутуль шиу появились в Юкатане позже. Тольтекский период начинается раньше 1000 г. Неправильно объединять в одном периоде события XIII в. и гегемонию Майяпана под общим названием «возрождение майя» (у Морли этот же период, напротив, именуется «мексиканским»). Само название слишком категорично, потому что, хотя тольтекское влияние сильно ослабло после разрушения Чичен-Ицы, тольтекские традиции отчасти сохранились и при гегемонии Майяпана.

Настоящая научная периодизация истории майя должна быть основана не на сомнительных датах или стилях архитектуры, а на изучении этапов развития социального строя майя. Однако для составления такой периодизации данных пока что слишком мало.

В главах XI–XVI Ланда излагает историю завоевания Юкатана испанцами. Станным образом, несмотря на то что описываемые события происходили незадолго до прибытия Ланда в Юкатан, они изложены весьма сбивчиво, с серьезными ошибками и пробелами. По-видимому, Ланда был введен в заблуждение своим осведомителем Блас Эрнандесом и не дал себе труда проверить его сведения. История испанского завоевания достаточно подробно описана у Молина Солис, Когольюдо и Лисана.

После первых попыток высадиться на юкатанском берегу, встретивших жестокий отпор со стороны индейцев, испанские корабли долгое время предпочитали держаться на почтительном расстоянии от Юкатана. Эскадра Кортеса, отправившаяся в 1519 г. на завоевание новых земель, ограничилась захватом острова Косумель, а затем направилась в Мексику. Здесь испанцам удалось добиться быстрых успехов. Воспользовавшись тем, что многие мексиканские племена ненавидели господствующих в Мексике ацтеков, Кортес привлек на свою сторону тотонаков и тласкаланцев и с их помощью после двухлетней войны разрушил ацтекскую столицу Теночтитлан (1521 г.). После этого испанские войска вторглись со стороны Мексики в область расселения племен, говорящих на языках майя. Соратник Кортеса Педро де Альварадо, прославившийся массовыми избиениями мирных жителей в Мексике, в 1524 г. появился в Ишимче. Исход борьбы решила племенная вражда. Какчикели вступили в союз с испанцами, рассчитывая с их помощью одолеть киче, сильнейших в Гватемале. Альварадо с помощью какчикелей разгромил киче, после чего обратился против державшихся нейтрально цутухилов. Когда важнейшие противники были разбиты, Альварадо бросился на своих союзников какчикелей, и вскоре вся Гватемала оказалась в испанской кабале. В то же время испанцы укрепились в Гондурасе, начало завоевания которого положил Олид, посланный Кортесом из Мексики в 1521 г. Таким образом, к тому времени, когда началось завоевание

Юкатана, он уже был окружен со всех сторон тремя испанскими колониями — Гондурасом, Гватемалой и Мексикой.

Завоеванием Юкатана решил заняться Франсиско Монтехо, один из капитанов Кортеса, посланный им в Испанию для переговоров. 8 декабря 1526 г. император Карл V подписал в Гранаде договор с Монтехо. Согласно этому договору, император разрешал Монтехо «открыть, завоевать и заселить острова Юкатан и Косумель» и жаловал ему разные титулы, облакавшие его высшей военной, административной и судебной властью в завоеванных землях. Завоевывать Юкатан Монтехо должен был за свой счет. В договоре указывалось, что император не должен был ни в каком случае нести расходы, связанные с экспедицией. Средства Монтехо раздобыл жульническим образом, вступив в брак с богатой вдовой, а затем сбежав от нее (конечно, с деньгами). В мае 1527 г. эскадра Монтехо вышла из порта Сан Лукар де Баррамедиа и направилась в Санто Доминго. Здесь Монтехо запасся продовольствием и 53 лошадьми и в сентябре 1527 г. прибыл на остров Косумель в третий раз (первый раз он был там с Грихальвой, а второй — с Кортесом).

«Касик» острова На Хум Пат, уже знакомый с испанцами, не оказал сопротивления. Монтехо высадился на юкатанский берег около Косумеля и с большой помпой «вступил во владение страной». Вблизи селения Шельха было основано первое испанское укрепление Саламанка. Выбранная местность оказалась очень нездоровой. Среди испанцев начались болезни. Оставив 40 больных в Шельха, Монтехо перешел в Поле, где ему пришлось оставить еще 20 больных. Пройдя Кони, где он был мирно принят и получил в изобилии продовольствие, Монтехо направился в Чавак-ха, главный город провинции Чик'ин Чель. По словам источников, испанцы были поражены размерами города и красотой каменных домов и храмов. «Касик» мирно принял испанцев и отвел им помещения для ночлега. К утру город оказался покинутым, а несколько позже индейцы атаковали испанцев. После короткой ожесточенной схватки, в которой испанцы потеряли 12 человек, индейцы отошли. На следующий день «кастик» прислал послов, но испанцы их толком не поняли из-за отсутствия хороших переводчиков. После этого Монтехо покинул Чавак-ха и двинулся на юг, в Ак'е. Он нашел город покинутым и разграбил его. На следующий день испанцам пришлось выдержать бой с окружившими их индейскими отрядами. С трудом отразив атаки индейцев, Монтехо повел остатки своего отряда обратно в Шельха, пройдя по дороге мимо развалин Чичен-Ицы. Возвратившись в Шельха, Монтехо сделал еще попытку направиться вдоль берега на юг, в Чектемаль, в поисках подходящего места для основания укрепления, но, встретив враждебное отношение индейцев, возвратился к Косумелю и в середине 1528 г. отплыл в Мексику, где рассчитывал получить по-

мощь от Кортеса. Но Кортес в это время уже был смещен, и Монтехо остался в Мексике, выхлопотав себе должность судьи и главного альгвасила в Табаско. В следующем, 1529 г. были вывезены в Мексику остатки испанцев, которых Монтехо оставил в Юкатане, возле Косумеля.

В 1531 г. Монтехо направил капитана Алонсо де Авила из Табаско завоевывать провинцию Чектемаль. Индейцы покидали города при приближении испанцев. Отрезанный от Табаско, после тяжелых боев с индейцами Авила с большим трудом прорвался в Гондурас. Тем временем Монтехо попытался овладеть северным берегом Юкатана. «Касики» провинций Кех Печ и Ах К'ин Чель приняли испанцев мирно. Тогда Монтехо решил основать укрепление у развалин древней столицы Юкатана Чичен-Ицы, которая продолжала оставаться религиозным центром и занимала выгодное стратегическое положение. Испанские войска под командованием сына Монтехо дона Франсиско вторглись в провинцию Купуль, а сам Монтехо остался в Текох, в провинции Ах К'ин Чель. Дон Франсиско покорил «касика» Купуля и попытался вторгнуться в провинции Эк'аб. «Касик» Эк'аба Эк' Бош нанес испанцам решительное поражение, и они поспешно отошли к Чичен-Ице, где получили помощь от только что покоренного «касика» Купуля. У развалин Чичен-Ицы было основано укрепление Сиудад Реаль, а окрестные земли дон Франсиско разделил на поместья и роздал участникам завоевания. По словам Ланда, в каждом поместье насчитывалось 2–3 тысячи индейцев. Помимо зверского обращения гнет колонизаторов был особенно невыносим еще и потому, что на истощенных землях Чичен-Ицы жители с трудом добывали пропитание для себя, а уплата громадной дани испанцам означала верную голодную смерть. Через 6 месяцев после основания Сиудад Реаля один знатный индеец попытался убить дона Франсиско и был казнен испанцами. Его казнь послужила поводом к открытому восстанию индейцев. На помощь восставшим пришли военные отряды из провинций Эк'аб, Кочвах, Сотута и Тас. Испанцам пришлось позорно бежать из осажденного Сиудад Реаля в Текох, под защиту их союзника «касика» Чель Поот (середина 1533 г.). После этого отряды Монтехо и его сына возвратились в Мексику, куда к этому времени прибыл и Алонсо де Авила, разбитый в Чектемале. Монтехо передал полномочия на завоевание Юкатана своему сыну дону Франсиско и больше не принимал участия в военных действиях. Но дон Франсиско тоже не спешил осуществлять свои полномочия.

В 1536 г. юкатанские поля были опустошены саранчой. В стране начался страшный голод. Одновременно вспыхнула междоусобная война между провинциями Мани и Сотутой, поводом к которой послужило избиение На Чи Кокомом мирного посольства Шиу, отправившегося приносить жертвы в Чичен-Ице. Ослабленный голодом и войной Юкатан испытал третье нашествие испанцев.

В 1541 г. дон Франсиско, собрав значительные силы, начал наступление на Юкатан. Он прежде всего укрепился в Чампотоне, а затем, после боев с индейцами, продвинулся в Кампече и основал здесь город Сант-Франсиско. Пользуясь междоусобной борьбой и натравливая одни провинции на другие, испанцы постепенно расширяли свои владения. Покоренные провинции по требованию испанцев дали им в помощь свои войска. Испанцы начали завоевание провинций Чак'ан и Кех Печ. Несмотря на то что «касики» из династии Печ в Чикшулуб, Яшк'ук'уль и Конк'аль покорились, большинство селений оказало сопротивление испанцам. Жители бросали дома и засыпали колодцы, постоянно тревожа испанцев партизанскими нападениями.

6 января 1542 г. на месте развалин древнего Тихоо испанцы торжественно основали город Мериду, ставший резиденцией колониальных властей в Юкатане. Но днем своего величайшего торжества испанцы считали 23 января 1542 г. В этот день могущественный правитель Мани Тутуль Шиу лично явился к дону Франсиско, изъявил покорность и предложил предоставить в распоряжение испанцев войска, продовольствие и даже женщин. Тутуль Шиу рассчитывал с помощью испанцев одолеть правителя Сотуты На Чи Кокома и направил к нему посольство с предложением покориться испанцам. На Чи Коком приказал перебить послов, кроме самого главного, которого отослал назад с выколотыми глазами, чтобы тот рассказал, как Кокомы поступают с предателями. После этого войска провинций Сотута, Купуль, Кочвах, Эк'аб и Чавак-ха подступили к Мериде. 11 июня 1542 г. под Меридой произошла самая большая за всю кампанию битва, которая продолжалась целый день. Несмотря на героические усилия, индейские войска не смогли противостоять закованной в латы кавалерии и огнестрельному оружию испанцев, на стороне которых к тому же сражались воины покоренных провинций. Деморализованные индейские отряды разошлись каждый в свою провинцию. В конце 1542 г. один испанский отряд направился в Текох и попытался вторгнуться в провинцию Купуль, но, встретив сильное сопротивление, повернул в Чавак-ха и здесь, на берегу лагуны, основал 28 мая 1543 г. город Вальядолид. Между тем второй испанский отряд направился в Сотуту, главные военные силы которой погибли в битве под Меридой. После короткого сопротивления На Чи Коком сдался испанцам и принял христианство. Его нарекли при крещении доном Хуаном Кокомом и оставили «касиком» Сотуты под контролем испанского гарнизона. В 1543 г. капитан Сизса взял Саки, столицу провинции Купуль, и казнил жрецов, пытавшихся организовать сопротивление. Затем был подчинен Эк'аб и Косумель. После этого главные силы испанцев были брошены против провинции Кочвах и взяли Тишхоцук, резиденцию «касика» На Хум Кочвах. В 1544 г. против оставшейся независимой провинции Чектемаль был направлен

отряд капитана Пачеко, который прославился жестокостями, невероятными даже для испанских конкистадоров. Героическое сопротивление жителей Чектемаля было потоплено в крови, и вся провинция разорена до тла. Центром испанского владычества здесь стал город Саламанка де Бакалар, основанный на берегу Четумальского залива. В том же 1544 г. город Вальядолид был перенесен из окрестностей Чавак-ха, где местность оказалась нездоровой, в Саки, бывшую столицу провинции Купуль. 9 ноября 1546 г. в провинциях Купуль и Тас вспыхнуло восстание. Восставшие перебили испанских помещиков и осадили Вальядолид. Но другие провинции не поддержали восстание, и оно было подавлено двинутыми из Мерида испанскими войсками, которые старались запугать индейцев массовыми избиениями и зверскими казнями.

При завоевании Юкатана, равно как и других индейских стран, испанцы применяли самые изощренные жестокости, красочно описанные Ланда в главе XV. В частности, широко применялись собаки-людоеды, специально обученные для охоты за людьми (такие собаки впервые были применены Колумбом при захвате острова Ямайка). Впрочем, конкистадоры, по большей части нищие идальго, бандиты и мошенники, значительно превосходили свирепостью своих собак. Католическая церковь объявила этих прославленных бандитов чем-то вроде апостолов, ревнителей христианства, так как завоевание «язычников» было, конечно, делом богоугодным и, по словам папской буллы, «всякий, оказавший сопротивление этому, должен считаться нанесшим оскорбление всемогущему богу и святым апостолам Петру и Павлу». Главными причинами успехов испанцев в Юкатане было не только колоссальное превосходство в вооружении, но и переход на их сторону многих индейских правителей, которые старались использовать испанцев в междоусобной борьбе и сохранить свои личные привилегии. «Слишком много было правителей и слишком много заговоров они устраивали друг против друга», — горько замечает по этому поводу автор одного текста в книге Чилам Балам из Чумайеля.

В результате завоевания численность индейского населения резко сократилась. Множество индейцев погибло во время военных действий, особенно при подавлении восстаний, когда жители подвергались массовому избиению. Не менее опустошительными были эпидемии завезенных европейцами болезней, особенно оспы и кори.

Колониальное управление в Юкатане долгое время оставалось неупорядоченным. В 1544 г. Юкатан подпал под юрисдикцию Пограничной Аудиенции, резиденция которой находилась в городе Грасиаса-Диос в Гондурасе. В декабре 1546 г. в Юкатан прибыл аделантадо Монтехо и вступил в свои права, но уже в 1548 г. он был отозван в Испанию и смещен. После этого управление в Юкатане перешло в руки

главных алькальдов (Alcalde Mayor). С 1560 г. главный алькальд Юкатана стал подчиняться королевской Аудиенции в Мексике.

После завоевания в Юкатане, как и в других испанских колониальных владениях, развернулась ожесточенная борьба по вопросу о порядке эксплуатации индейцев. В борьбе принимали участие три главные силы — конкистадоры, королевское правительство и церковь. Каждая из этих сторон старалась урвать себе возможно большую часть доходов от ограбления индейского населения. В первое время после открытия Америки конкистадоры обычно делили между собой завоеванные земли и индейцев и грабили их всеми возможными способами.

Владелец такого «надела» неограниченно распоряжался свободой и жизнью индейцев, заставлял их выполнять любые работы и взимал дань произвольных размеров. При этом было широко распространено легальное рабство. Охота за рабами приняла такие размеры, что за несколько лет все население Малых Антильских островов было переловлено и продано в рабство. Индейцы вымирали с невероятной быстротой, не принося никаких доходов королевской казне. Королевское правительство стремилось отнять индейцев у конкистадоров и превратить их в прямых данников короны. Но конкистадоры были слишком сильны в колониях, чтобы допустить подобное положение. В результате долгих дебатов были приняты различные половинчатые меры. Сначала индейцев разделили на «диких» и дружественных», причем под «дики-ми» понимались все индейцы, сопротивлявшиеся захватчикам (что рассматривалось как сопротивление обращению в христианство). «Диких» индейцев разрешалось обращать в рабство, а «дружественных» — не разрешалось. В 1530 г. рабство индейцев было формально отменено, хотя с этим очень долго никто не считался. Так, во время завоевания Юкатана у конкистадоров было столько рабов, что они ввиду недостатка денег платили торговцам за товары рабами. Далее, в 1543 г. королевское правительство ввело систему энкомьенды («поручение»). Формально индейцы объявлялись свободными, а испанцы — «опекунами» приписанных к ним индейских общин. Согласно королевскому указу, испанские помещики должны были приобщать «опекаемых» индейцев к благам испанской цивилизации и христианства, а индейцы, в благодарность за это, должны были содержать своих «опекунов». Фактически помещик-энкомендеро получал право и на сбор дани, и на безграничную эксплуатацию труда индейцев.

Система энкомьенды возникла и развилась как форма тяжелой крепостной зависимости индейского населения от испанских завоевателей. При распределении энкомьенд королевское правительство в каждой провинции удержало за собой часть земель с населением, которое должно было работать на королевскую казну. Знатные индейцы, перешедшие на сторону испанцев, были приравнены к испанскому дворянству

и получили «удостоверения в знатности» (*probanzas de hidalguia*). Они тоже получали энкомьенды и немногим отличались от испанских помещиков. Так, хроника майя отмечает, что в 1610 г. «были повешены люди Тек'аша», восставшие против своего господина дона Педро Шию, который, хотя и индеец, по словам Санчеса де Агиляр, «был настоящим католиком». Область около озера Петен-Ица, куда ушла часть «людей ица» после разрушения Чичен-Ицы, долгое время оставалась независимой от испанцев благодаря окружавшим ее непроходимым лесам. Центром здесь был город Тах-Ица (Тайясаль) на острове Флорес, где правила династия халач виников из рода Кан Эк'. Эта область была завоевана в 1697 г., когда испанские войска с двух сторон, из Гватемалы и Юкатана, подошли к озеру Петен-Ица и разрушили город Тах-Ица.

Система энкомьенды формально была отменена королевским правительством в 1720 г., но фактически сохранялась в испанских колониях до XIX в.

В главах XVII–XIX Ланда описывает деятельность франсисканских монахов в Юкатане. Эти главы содержат много любопытных и ценных сведений, но в то же время являются наиболее тенденциозными. Под короткими уклончивыми фразами можно распознать истинное лицо палача индейского народа, достойного сына католической церкви.

Первые франсисканские монахи, направленные из Мексики и Гватемалы, прибыли в Мериду в 1545 г. В 1549 г. прибыли еще монахи из Испании, в том числе Диего де Ланда. Главой франсисканской миссии в Юкатане был избран Луис де Вильяльпандо, лучший в то время знаток языка майя. На первых порах позиции церкви в Юкатане были очень слабыми. Конкистадоры отнюдь не желали делиться с монахами доходами от грабежа индейцев. Монахи занялись прежде всего основанием монастырей и организацией школ при монастырях. В этих школах они обучали или, точнее, развращали детей знатных индейцев, насильственно взятых у родителей. Индейским детям старались всеми способами привить отвращение к древней культуре их страны, готовя из них верных слуг и шпионов церкви. К 1549 г. уже были основаны монастыри в Кампече, Мериде, Мани, Конк'але, Ицмале. Одновременно монахи развернули шумную кампанию против конкистадоров, захвативших все богатства страны в свои руки. Они обвиняли испанских помещиков в нарушении законов об отмене рабства, в использовании индейцев в качестве вьючного скота и множестве других злоупотреблений. Конкистадоры в свою очередь обвиняли монахов в том, что они зверски эксплуатируют индейцев на строительстве каменных монастырских зданий. В текстах майя о церковном строительстве говорится как об одном из страшных бедствий. Монахи в оправдание ссылались на то, что каменные монастыри нужны не только им, но и как крепости на случай восстания индейцев и, по совместительству, как школы.

Монахам удалось добиться присылки в Юкатан нескольких королевских чиновников, которые пытались умерить аппетиты конкистадоров и до известной степени ограничили их произвол. Позиции церкви стали постепенно укрепляться. 13 ноября 1561 г. в Мериде собрался капитул, который постановил, с одобрения верховного капитула франсисканцев, объединить Юкатан и Гватемалу в одну церковную провинцию. Духовным главой провинции был избран Диэго де Ланда. Он должен был проживать по два года попеременно в Мериде и Гватемале. Но Ланда развернул такую ретивую деятельность, что уже через год был смещен. Еще во время заседаний капитула он получил известие, что в Мани индейцы продолжают приносить «языческие» жертвы. Служка-индеец монастыря в Мани обнаружил в одной пещере оленя с вырванным сердцем и статуэтки богов. Настоятель монастыря довел это до сведения капитула, и Ланда поспешно бросился в Мани. Не будучи епископом, Ланда не имел права вести инквизиционное следствие, но это его не остановило. Он приказал схватить подозреваемых в «апостасии» (отступничестве от христианства). В таких «подозреваемых», конечно, недостатка не было, потому что почти никто из индейцев не знал толком, что такое христианство. Обыкновенно монахи уговаривали «касиков» принять христианство, а все подданные «касика» после этого оптом принимали христианство, подражая ему.

Ланда добивался признаний в «апостасии» изощренными пытками, которые столь тщательно разработала испанская инквизиция. Для начала схваченным индейцам давали до 200 ударов плетью; если этого оказывалось недостаточным, то их подвешивали на вывернутых руках, обливали спину кипящим воском, жгли каленым железом или подвергали пытке водой. Последняя состояла в том, что через рог, вставленный в горло пытаемого, лили горячую воду, затем один из палачей становился на пытаемого, и вода, смешанная с кровью, лилась изо рта, носа и ушей. Индейцы десятками умирали от пыток, и в монастырских стенах появлялись новые жертвы. По сообщениям современников, пыткам и телесным наказаниям было подвергнуто 6330 человек, мужчин и женщин; из них 157 вскоре умерло от последствий пыток, а большинство оставшихся в живых стали калеками на всю жизнь. Одновременно инквизиция начала такую же деятельность в других провинциях, в частности в Сотуте. Пытки продолжались почти десять месяцев. 12 июля 1562 г. Ланда «отпраздновал» в Мани торжественное ауто-дафе, на котором присутствовал главный алькальд, испанцы и индейская знать. На кострах этого аутодафе погибли последние, еще уцелевшие реликвии древней культуры майя — рукописи, написанные иероглифическим письмом, статуи, художественные сосуды с изображениями. Многие схваченные индейцы повесились в тюрьме до аутодафе или

умерли от пыток. Монахи вырыли из могил 70 трупов и бросили их в костер. Пока они горели, оставшиеся в живых жертвы инквизиции, одетые в шутовские одежды (сан бенито), подвергались истязаниям и издевательствам.

Принявшую широкий размах палаческую деятельность учрежденной Ланда инквизиции приостановил прибывший 12 августа 1562 г. в Мериду епископ Франсиско Тораль. Последний справедливо опасался восстаний индейцев и постарался смягчить отношения между церковью и индейцами. Кроме того, конкистадоры воспользовались случаем свести счеты с не в меру деятельным монахом, виновником присылки в Юкатан королевских ревизоров, и в свою очередь обвинили Ланда в превышении своих полномочий и злоупотреблении властью. Ланда, а вслед за ним и поддерживавший его главный алькальд были отозваны. Епископ Тораль, продолжая укреплять позиции церкви в Юкатане, столкнулся с присланным в 1565 г. губернатором и в 1571 г. уехал в Мексику, где и умер. В 1573 г. в Юкатан возвратился Диэго де Ланда, на этот раз в качестве епископа. До самой смерти (1579 г.) он продолжал ссориться с губернаторами, отстаивая церковные интересы.

Лицемерные ламентации Ланда об угнетении индейцев и зверствах конкистадоров объясняются, конечно, не сочувствием к индейцам. Католическая церковь стремилась приобрести за океаном обширные епархии, приносящие верный и постоянный доход. Поэтому высшие церковные власти противодействовали обращению индейцев в рабство и истреблению их распоясавшимися конкистадорами. При этом небезынтересно отметить, что как раз франсисканцы, игравшие видную роль в колониальной администрации Антильских островов, в первые десятилетия после открытия Америки отстаивали прямой грабеж и рабство индейцев (сам Колумб, положивший начало рабству индейцев, был мирским членом ордена франсисканцев). В то время за свободу индейцев ратовали доминиканцы, которым на первых порах почти ничего не досталось. После завоевания Юкатана, где все богатства вначале захватили конкистадоры, «святые отцы» франсисканского ордена соизволили изменить свое мнение. Оказалось, что и они не хуже доминиканцев могут ратовать против нехристианского поведения конкистадоров, грабивших население только в свою пользу.

Значительный интерес представляет богословское отступление в конце главы XXXIX, объясняющее, почему католическая церковь считала укрепление своих позиций в Америке делом особой важности. В это время вся Европа была охвачена протестанскими «ересями» и Ватикан терял одну страну за другой. Доходы папской казны таяли с каждым днем. Хиреющий католицизм мечтал найти новую опору в американских колониях и направлял все новые и новые монашеские миссии для обращения в христианство завоеванных индейцев.

Не следует, разумеется, преувеличивать образованность католических миссионеров. Когда надо было закрепиться в новой стране, в нее направляли обычно подготовленных ловких проповедников, которые тщательно изучали местный язык и обычаи. Но как только индейцы были крещены, а монастыри основаны, монахи все свои заботы направляли на увеличение монастырской казны. Уже Кортесу пришлось обратиться к императору Карлу V с просьбой «не посылать больше в Мексику каноников, ибо они ведут здесь необузданно роскошную жизнь, раздают громадные богатства своим незаконным сыновьям и подают скандальный пример индейцам, только что обращенным в христианство». Ланда в главе XLIII всячески увещевает священников быть усерднее и ставит им в пример... индейских «языческих» жрецов. Все эти увещевания, конечно, не помогли. Духовенство становилось все более невежественным и развращенным. Но католической церкви все же удалось добиться своей главной цели — католицизм в Латинской Америке пустил глубокие корни и до сих пор остается одним из главных оплотов ватиканских мракобесов, ведущих смертельную борьбу со всеми прогрессивными силами человечества.

В главах XX–XXXIII Ланда дает этнографическое описание майя в период перед испанским завоеванием. Эти главы охватывают самые разнообразные стороны хозяйства, социального строя, культуры и религии майя. Данные Ланда могут быть уточнены и дополнены не только сведениями других испанских источников XVI–XVII вв. (из которых важнейшую роль играют «Сообщения из Юкатана»), но и материалами этнографического изучения майя в XX в. В критическом рассмотрении и дополнении нуждаются прежде всего основные проблемы, которые следует выделить из всего громадного круга вопросов, затронутых Ланда.

Основу хозяйства у майя составляло земледелие, описанное у Ланда довольно кратко. Описание Ланда может быть дополнено этнографическими наблюдениями (Баррера Васкес, Ганн, Томпсон), так как в некоторых местах Юкатана древнее подсечно-огневое земледелие сохранилось в почти неизменном виде с XVI в. до нашего времени.

В Юкатане год подразделяется на два сезона — сухой (ноябрь — май) и дождливый (июнь — октябрь). Во время дождливого сезона, в июле, земледельцы отыскивали в лесу подходящий для обработки участок. Наиболее подходящими считались участки с черной почвой (*эклуум*), заросшие высоким лесом (*каст каш*). Отыскав участок, приступали к его расчистке, которая велась с помощью каменных топоров (*баат*). Прежде всего делали небольшую просеку и размечали границы будущих полей (*коль*). Обычной единицей измерения служил *каан* (72×72 «ступни» по испанским источникам XVI в., у современных майя — около 20×20 м). Рубка деревьев каменными топорами представ-

ляла большие трудности, поэтому ограничивались тем, что подрубали ствол наполовину и пригибали дерево к земле, а с больших деревьев только сдирали кольцеобразно кору или окружали ствол огнем, чтобы они засохли. Одновременно с расчисткой вокруг поля устраивали живую изгородь из согнутых подрубленных деревьев, подпертых развилками. Изгородь защищала поле от лесных зверей, уничтожавших посевы. Рубку деревьев обычно оканчивали до октября, так как в дождливое время года рубить было легче.

В марте — апреле, когда дул южный ветер, производилось выжигание полей (*тоок*). Срубленные деревья и кустарник к этому времени высыхали. Чтобы огонь не коснулся изгороди, около нее расчищали на 2–3 м пространство. Перед началом сожжения приносили в жертву «владыке ветра» (*юм икооб*) напиток из кукурузы и меда. Выжигание начинали с утра. Группа земледельцев с факелами из ветвей прежде всего поджигала хворост с северной стороны поля, затем они делились на две партии, которые разносили огонь по восточной и западной стороне и встречались на южной, окружая таким образом все поле огнем. Если середина плохо горела, несколько человек с пылающими факелами отправлялось туда, что было сопряжено с опасностью сгореть или задохнуться в дыму, если ветер внезапно менял направление. Сжигание сопровождалось общим весельем.

Определить время выжигания участков было чрезвычайно важно, так как оно должно было окончиться, пока дули благоприятные ветры, до начала дождливого сезона. Для определения даты выжигания велись специальные астрономические наблюдения. В развалинах города Копана две стелы (№ 10 и 12) расположены таким образом, что, если смотреть с одной стелы на другую, это направление покажет точку горизонта, в которой солнце заходит 12 апреля, — дата, когда в окрестностях Копана начиналось выжигание участков.

В мае, когда скопления темных облаков указывали на близость сезона дождей, начинался посев. Земледельцы отправлялись на поля с заостренными палками (*шуть*), закаленными на огне, неся в заплечных сумках (сплетенных из волокон агавы) семена кукурузы, смешанные с семенами бобов и тыкв. Было два главных способа посева. Наиболее распространенный заключался в том, что земледelec, идя обычным шагом по полю, делал палкой небольшие ямки и, бросив туда несколько зерен кукурузы и бобов, засыпал ямку пяткой. Ямки делались в шахматном порядке. При втором способе, который называется «прыжок оленя», земледelec шел широким шагом, при этом ямки были более удалены друг от друга и не чередовались.

Мая сеяли много разных сортов кукурузы. Среди них различались прежде всего сорта с большим початком (*ши-нук-наль* — «кукуруза-старуха»), которые созревали за 6–7 месяцев, и сорта с маленьким початком

(*ши-мехен-наль* — «кукуруза-девочка»), созревавшие примерно за 3 месяца, хотя урожаем обычно собирали позже. Были особо скороспелые сорта, например *кай-тель* («песня петуха»); они созревали дней через 60.

Как только ростки кукурузы показываются на поверхности, за ними начинают охотиться различные птицы и вытаскивают их из земли. Иногда из-за этого приходилось сеять вторично. Семена погибают также, если задерживается начало дождей. Позже посевами начинают интересоваться лесные звери, особенно олени, пекари и носухи, а созревающие початки опять привлекают птиц. Земледельцы старались защититься от нападений различных животных усиленной охраной полей. Через 15–20 дней после посева поля расчищались от бурьяна. При этом сорную траву обычно не вырывали, а сбивали, оставляя корни в земле.

Когда початки достигали наибольшего размера, но еще не высыхали, их наклоняли концами вниз; от этого они скорее высыхали и меньше страдали от дождя и птиц. Это сгибание (*вац'*) делалось в сентябре (ранние сорта) и октябре (поздние сорта). Когда початки окончательно высыхали, начиналась уборка (*хоч*). Початки ломали, оставляя обертку на стебле, и собирали в плетенные из лиан корзины. Чтобы открыть обертку, употреблялась заостренная палка или рог оленя. Стебли оставались на поле. Уборка ранних сортов происходила в ноябре-декабре. В январе, когда высыхали початки поздних сортов кукурузы, начиналась основная уборка. Часто высохшие початки долго оставались на полях, потому что они лучше сохранялись на стебле, чем в амбарах. Уборка заканчивалась в марте. Одновременно со сбором отбирали большие початки на семена. Их оставляли в обертке. Шелушение обычно производилось на поле. Для этого устраивали навес из жердей; на нем размещали початки и били их толстыми палками. Зерна падали вниз, на подстеленные циновки. Для зерна устраивались в углу хижины хранилища, защищенные от сырости древесной корой и пальмовыми листьями. Для хранения больших запасов зерна делались специальные амбары (*чультун*).

При вторичном посеве на том же участке урожай резко сокращался. Третий раз сеять можно было только на участках, расчищенных от высокого леса. Новый лес на выжженных участках вырастал лет через 6–10. Но такие участки с новым низким лесом (*хуб-че*) были уже гораздо менее плодородны и давали меньший урожай.

По подсчетам Баррера Васкеса, индейцы майя, сохранившие подсечно-огневое земледелие, получают в среднем 7 центнеров с гектара. Средняя семья из пяти человек, чтобы прокормиться, должна засеивать около 3 га (обыкновенно 2 га заняты посевами на вновь расчищенных участках и 1 га — вторичным посевом на старом участке). Если принять суточный расход кукурузы в 4 кг, то в этом случае на прокормление семьи уходит 1460 кг, и 640 кг остается для нового посева и на другие

расходы. Обработка поля в 1 га (учитывая все основные виды работ) занимает в среднем 396 рабочих часов. Таким образом, для обработки 3 га требуется около 150 восьмичасовых рабочих дней в год. При этих расчетах следует, конечно, иметь в виду, что майя кроме кукурузы возделывали множество других культурных растений и занимались не только земледелием, но и охотой, рыболовством и пчеловодством. Тем не менее очевидно, что возделывание кукурузы давало значительный прибавочный продукт и открывало широкие возможности для эксплуатации общинников и рабов.

Сообщения других источников не добавляют чего-либо существенного в описание охоты (стр. 145, 213), рыболовства (стр. 188, 212) и пчеловодства (стр. 217). Майя охотились на оленей, тапиров, пекари, кроликов, броненосцев, игуан, индюков. Основным охотничьим оружием служили лук и стрелы, копье и дротики, которые бросали с помощью копьёметалки (*хуль-че*). Для охоты на птиц употреблялась выдувная трубка, из которой стреляли глиняными шариками (сербатан, или иначе сарбакан, на языке майя — *ц'он*). В большом ходу были также силки с мертвыми петлями (*ле*) и различные ловушки. Охота была приурочена к определенным охотничьим сезонам, в начале которых справлялись праздники охотников (стр. 179, 188). Обращает на себя внимание сообщение Ланда о том, что лук не был известен у майя до появления в Юкатане мексиканцев (стр. 116). В связи с этим следует отметить, что в древних фресках Бонампака (VIII в.), изображающих военные сцены, совершенно не встречается изображений лука (хотя обломок лука найден при раскопках Вашактуна, в слоях более раннего времени).

К описанию пчеловодства следует добавить, что майя употребляли ульи — полые обрубки древесных стволов с небольшим отверстием сбоку. Наряду с разведением пчел на пасеках значительную роль играл сбор меда диких пчел в лесах. По словам Лас Касаса, Юкатан особенно отличался изобилием меда.

При изучении материальной культуры майя следует иметь в виду, что примитивный характер орудий земледелия (заостренная палка) связан с топографическими условиями (каменистая почва не давала возможности применять более совершенные орудия), а отсутствие металлургии объясняется тем, что в области расселения майя не было руды. Металл (главным образом золото и медь), из которого сделаны различные предметы, найденные в Юкатане (топорики, золотые диски с изображениями, колокольчики и т. д.), — иноземного происхождения (из Мексики и Панамы).

Социальный строй майя — одна из наиболее сложных проблем. Неясно, насколько далеко зашел процесс разложения родового строя и образования классов. На основании данных Ланда и других источников можно предполагать, что общество майя было уже классовым. Воз-

можно, что период гегемонии Майяпана связан с усилением рабовладения. Окончательное решение всех этих вопросов, особенно после прочтения иероглифических надписей, потребует, конечно, специального изучения.

Социальный строй майя имеет много общего с древневосточным обществом на раннем этапе развития (древнейший Шумер и Египет). Как и на Древнем Востоке, мы находим у майя достаточно развитое рабовладение наряду с сохранением общины, расслаивающейся на рабов и рабовладельцев. Военно-рабовладельческая знать наряду с рабами эксплуатировала и общинников. Имелась развитая меновая торговля, в связи с чем из общинников выделялись богатые и бедные. Частная собственность защищалась жестокими законами. Общество майя, подобно древневосточным обществам, развивалось очень медленно.

По данным Ланда и других источников, основную массу населения составляли зависимые общинники и рабы.

Можно определенно утверждать, что жители селения составляли территориальную общину. Материалы переписей XVI в. (см., например: CIW, Publ. № 523, 1940) показывают, что в каждом селении жили люди с самыми разнообразными родовыми именами, а одни и те же родовые имена были распространены по всему Юкатану. По словам Ланда (стр. 146), юкатанец, попавший в незнакомую местность, всегда мог рассчитывать встретить людей, носящих то же родовое имя. Для обработки земли, охоты, рыбной ловли, добычи соли жители селений объединялись в большие группы. Гаспар Антонио Чи, как и Ланда, говорит, что границы между селениями отсутствовали и земли были общими. Каждый год жители селения разыскивали в ближайших лесах местность с наиболее плодородной почвой и совместно обрабатывали ее, выделяя на каждую семью участок определенных размеров (*хунвиник*). Тоззер отмечает, что размер этого участка, указанный у Ланда, слишком мал, чтобы прокормить семью. Но ниже Ланда говорит, что сеяли одновременно в разных местах. Эти поля (на которых сеяли главным образом кукурузу) не могли сделаться постоянной собственностью общины или отдельных семей, потому что их приходилось надолго бросать через 2–3 года из-за истощения почвы. Те участки, которые не нужно было менять, как, например, плантации фруктовых деревьев и какао, оставались постоянной собственностью отдельных владельцев (главным образом, конечно, знати) и отмечались межевыми знаками (стр. 147; Гаспар Антонио Чи, «Сообщение об обычаях индейцев»). В частной собственности находились также пасеки, месторождения соли и т.д. Среди жителей селений было значительное имущественное неравенство. Как Ланда, так и другие источники упоминают богатых (*айик'аль*), занимавших промежуточное положение между знатью и «простым народом» (стр. 133).

Жители селений несли многочисленные повинности. Они обязаны были обрабатывать поля знати, строить дома «сеньоров», храмы и дороги, платить дань «сеньорам», делать «подношения» жрецам и содержать военный отряд во время походов (стр. 114, 140, 157). Гаспар Антонио Чи явно старается преуменьшить размеры дани. В «Сообщении из Текала» (CDU, XI, 176) он говорит, что во времена гегемонии Майяпана вся дань ограничивалась подношением раз в год курицы и небольшого количества кукурузы во время жатвы. В других «Сообщениях» он прибавляет еще хлопковые ткани, мед и душистую смолу. По Ланда, в состав дани входило все, что было нужно «сеньору» (стр. 114). Это подтверждается другими источниками. Автор «Сообщения из Теките» (CDU, XI, 105) сообщает: «Старики этой страны говорят, что эти провинции были разделены между многими сеньорами, и в каждой провинции был сеньор находящихся там селений, и этим упомянутым сеньорам подчинялись их подданные и платили дань этому сеньору тем, что имели под руками, как то [хлопковые] ткани, куры, кукуруза, бобы, индейский перец, рабы. Того, кто не давал дани, они приказывали принести в жертву».

Известия о рабовладении у майя чрезвычайно скудны. Судя по некоторым данным, количество рабов было очень велико. По цитированному выше «Сообщению из Теките» видно, что рабы входили даже в состав дани «сеньорам». Главным источником рабства был захват военнопленных. Поэтому рабами владела прежде всего военная знать. Войны часто велись только для того, чтобы добыть рабов. В «Сообщении из Хокаба» (CDU, XI, 89) говорится, что жители служили местному «касику» «в лесных войнах, каковые войны велись непрерывно этой провинцией с соседями, и они брали в плен и продавали в рабство тех, кого захватывали». По Ланда (стр. 157), исключение делалось только для знатных пленников, которых приносили в жертву. Это подтверждает и Гаспар Антонио Чи: «Взятые в плен на войне, если они были бедными, оставались рабами; если же они были людьми знатными, их приносили в жертву идолам, хотя некоторых из них выкупали» (Тоззер, 1941, 231). Ланда в нескольких местах упоминает, что в рабство обращали воров даже за небольшую кражу (Лисана говорит, что достаточно было украсть три початка кукурузы), в связи с чем количество рабов резко возрастало в голодные годы (стр. 173). Более подробные сведения дает Гаспар Антонио Чи: «Вор оставался рабом, пока его не выкупали, а если это было невозможно, то он оставался рабом на всю жизнь. Дети рабов оставались рабами подобно своим родителям, пока их не выкупили. Тот, кто делал беременной рабыню или женился на ней, становился рабом владельца такой рабыни, и то же было с женщиной, которая выходила замуж за раба. Если случалось, что раб или рабыня умирали вскоре после того, как владелец продал их, упомянутый продавец дол-

жен был возратить часть цены упомянутого раба покупателю; то же было, если раб убежал и его не находили». Кроме воров в рабство обращали убийцу, если он был моложе своей жертвы, разведенных жен, сирот и несостоятельных должников, которые оставались рабами, пока не уплачивали долга. Законы относительно обращения в рабство свободного, вступившего в связь с рабыней, отнюдь не касались «сеньоров», которые держали красивых рабынь в качестве наложниц (стр. 152).

Рабами велась широкая торговля, причем не только внутренняя, но и внешняя, с «землей Улуа» (Гондурас) и Мексикой, через Табаско. По словам Овиедо (8, XXX), раб оценивался примерно в 100 бобов какао.

Меньше всего сведений о том, для каких работ использовались рабы. Ланда вовсе ничего не говорит об этом; Когольудо, касаясь положения рабов (из военнопленных) у майя, замечает: «В этом они были жесточайшими и обращались с ними сурово, используя их для всех физических работ». Можно не сомневаться, что рабы использовались для обработки полей «сеньоров» и строительства зданий. Из скудных сообщений других источников известно, что купцы для переноски тяжестей пользовались караванами рабов-носильщиков. Ангиера (1516 г.), рассказывая о встрече Колумба в четвертом путешествии с индейскими лодками, говорит: «Их тащили голые рабы с веревками вокруг шеи». По словам «Хроники из Калькини» (стр. 38), «в Хинале [остров Хайна] морем владел также Ах Кануль. Там были лодки Ах К'ин Кануля, там было их четыре, для его рабов, чтобы ловить рыбу».

Некоторые зарубежные исследователи, например Росадо Охеда (ЕГ, II, 211), пытаются утверждать, что рабство у майя появилось только после тольтекского завоевания. При этом главным аргументом служит фраза Ланда: «Коком начал первый обращать в рабство» (стр. 118). Но Ланда ниже говорит, что Коком начал обращать в рабство не военнопленных или преступников, а «простой народ». Таким образом, речь идет об обращении в рабство свободного населения (или, точнее, зависимых общинников), что и вызвало восстание. Это подтверждает и рассказ Понсе (1932, 354): «Старые индейцы говорят, что Шиу с помощью других вождей убил Кокома, который был величайшим сеньором и более значительным, чем он. И чтобы сделать это, он возмутил их против него, рассказав им и заставив поверить, что Коком тайно продал местных индейцев иноземным торговцам». Тоззер (1941, 35) отмечает, что изображения рабов встречаются на памятниках искусства с древнейшего периода истории майя (стелы и перемишки в Наранхо, Ишк'ун, Калак'муль, К'абах и т.д.). Можно предполагать, что рабовладение утратило патриархальный характер уже в первые века нашей эры, когда возникали города-государства.

К сожалению, ни Ланда, ни другие источники не говорят о положении ремесленников. Ланда упоминает только скульпторов, изготавливав-

ших статуи богов, и лекарей. Между тем археологические данные свидетельствуют о высоком развитии ремесла, главными отраслями которого были гончарство, изготовление оружия из кремня и обсидиана (вулканического стекла) и, наконец, изготовление различного рода предметов роскоши (богатая одежда, подвески, браслеты, веера и т.д.) и культовых предметов (статуэтки, амулеты). Строительство грандиозных сооружений в городах требовало большого количества каменщиков, архитекторов, скульпторов, живописцев. Ремесленники жили в городах. Из различных ремесленных изделий только ткани постоянно упоминаются в составе дани, которую платили «сеньорам» жители селений. Это объясняется тем, что ткачеством и плетением циновок занимались сельские женщины.

Экономическое господство знати у майя было основано как на эксплуатации труда зависимых общинников, так и на владении наследственными угодьями и эксплуатации труда рабов. Труд зависимых общинников эксплуатировался двояко. Во-первых, общинники обязаны были обрабатывать поля знати. При ежегодной расчистке лесов выделялись участки для знати, в десятки раз превышавшие надел рядового общинника. Урожай с этих участков (в основном кукуруза) шел на содержание знати. Во-вторых, общинники платили дань в «достаточных», по словам Ланда, размерах. В наследственных «имениях» знати, которые Ланда упоминает неоднократно, вероятно, широко использовался труд рабов. Из наследственных владений знати в «Сообщениях из Юкатана» и других источниках особенно часто упоминаются плантации какао. Это объясняется тем, что бобы какао служили единицей обмена. Санчес де Агиляр (1892, 98) пишет, что «сеньоры» Купулы выращивали какао, так как оно «заменяло золото» в этой стране и служило «монетой» на городских рынках.

Знать была освобождена от уплаты дани. «Все горожане и жители, которые жили внутри ограды Майяпана, были освобождены от дани, а там жили все знатные страны», — говорит Гаспар Антонио Чи (Тоззер, 1941, 230). В отношении рабов власть знатных не была ничем ограничена (стр. 152), в отношении зависимых общинников они обладали административной и судебной властью. К преступникам из знати применялись совсем иные санкции, чем к общинникам (стр. 158), между тем то, что считалось преступлением для общинника (например, связь с рабыней), разрешалось знатым. В случае войны знать должна была являться под знамена правителя, а в мирное время принимала постоянное участие в религиозных обрядах. По словам Гаспара Антонио Чи, знатные почти каждый день посещали храмы: «Было правило и обычай, чтобы упомянутые сеньоры и потомки основателей Майяпана и их семьи служили в храмах идолов и в церемониях и праздниках» (Тоззер, 1941, 230). Множество различных источников подтверждает, что права

знати были наследственными, а само слово *альмехен* («знатный») на языке майя означает «сын отца и матери» (*аль* — «сын женщины», *мехен* — «сын мужчины»). В колониальный период права знати были подтверждены королевским правительством, причем знать майя была приравнена к испанскому дворянству (идальго).

После разрушения Майяпана, с середины XV в. до испанского завоевания, Юкатан был разделен на независимые области, которые в испанских источниках называются «провинциями» или «касикуствами» (*casicazgo*). Во главе независимой области стоял халач виник («великий человек»), имевший резиденцию в главном городе области. Подвластными халач винику городами и селениями управляли назначенные им батабы. В испанских источниках XVI в. и халач виник, и батаб обычно называются одинаково — «сеньор», «губернатор», «кастик», хотя все же чаще халач виник именуется «сеньором», а батаб — «касиком». Такое смешение названий отчасти объясняется тем, что после испанского завоевания должность халач виника исчезла, и остались только батабы, получившие испанское дворянство. Перед испанским завоеванием в некоторых провинциях было по несколько халач виников (CDU, XIII, 23, 53, 150), тогда как в других — только батабы, слабо связанные друг с другом.

Халач вииники каждой провинции всегда принадлежали к одной правящей династии, причем знатность определялась происхождением по отцу по прямой линии (*яш ч'ибаль*). По словам Ланда, должность халач виника была наследственной и переходила от отца к старшему сыну, хотя это правило иногда нарушалось, как свидетельствует «Родословное дерево Шиу». По Гаспару Антонио Чи, правящие роды вели свое происхождение от «основателей Майяпана», т.е. от тольтекских завоевателей. Так, Кокомы (провинция Сотута) считали своим родоначальником К'ук'улькана. «Народ Юкатана поклонялся и почитал этого бога Кецалькоатля и называл его К'уль'улькан, и говорят, что он прибыл туда с запада... Они говорят, что от него произошли короли Юкатана, которых они называют Кокомы, что значит: “внимающие”» (Торкемада, 1723, II, 52). Нох Кабаль Печ, родоначальник династии Печ, сделавший своей столицей Мотуль (провинция Кех Печ), был «близкий родственник великого сеньора Майяпана [т.е. Кокома]» (CDU, XI, 78). Династия Челей (провинция Чик'инчель) вела свое происхождение от «знатного юноши» На Мо Чель, зятя майяпанского жреца. Следует отметить, что правители трех упомянутых династий — Кокомы, Печи и Чели — носили титул *ахау* («владыка»), который в колониальное время стали применять к испанскому королю.

В источниках нет указаний на то, что власть халач виника была ограничена. Он ведал всеми внутренними и внешними делами подвластной ему области и был главнокомандующим во время войны. По

словам Ланда, сбором дани с подвластных городов и селений и приемом посетителей занимался *кальвак* (буквально «ускоряющий работу»), бывший «майордомом» халач виника. Советником халач виника был верховный жрец (стр. 114). Можно предполагать, что халач виник обладал высшей духовной властью (по словарю из Мотуля, «халач виник» может означать «епископ»). В особо важных случаях он был верховным судьей. По Когольудо, «сеньоры [т.е. халач виники] обладали неограниченной властью, и то, что они приказывали, выполнялось неукоснительно. Они имели в селениях касиков или знатных [т.е. батабов], чтобы выслушивать судебные дела и народные требования. Он [батаб] принимал тяжущихся или посредников и, когда дело было выслушано, если случай был серьезным, то обсуждал его с сеньором [халач виником]» (Когольудо, 1868, IV, 4). При судебном разбирательстве и батаб, и халач виник получали от обеих сторон «подарки».

По словам Ланда, батабов назначал халач виник (стр. 114). Это подтверждает и «Хроника На К'ук' Печ». Поэтому в качестве батабов часто фигурировали родственники халач виника. В провинциях Кех Печ, Сотута и Купуль значительное число батабов принадлежало к *яш ч'ибаль*, прямой линии по отцу правящей династии. Должность батаба была пожизненной. Ланда говорит, что после смерти батаба халач виник обычно передавал эту должность его сыну. Из «Хроники На К'ук' Печ» видно, что сыновья батаба могли назначаться батабами других селений при жизни отца. В книге Чилам Балам из Чумайеля говорится, что в начале каждого «двадцатилетия» (к'атуна) все батабы должны были являться к халач винику, чтобы доказать свою знатность и получить подтверждение своих полномочий. Устраивался своего рода экзамен. Испытуемые должны были обладать некими тайными знаниями, которые именовались «слова Суйва» и, очевидно, передавались от отца к сыну. Суйва, по определению Баррера Васкеса, — древнее название острова Кармен или, может быть, всей лагуны де Терминос на юго-западе Юкатана, откуда пришли тольтекские завоеватели и тутуль шиу. В эпосе киче «Пополь Вух» Суйва отождествляется с древней столицей тольтеков и «Семью пещерами», легендарной прародиной мексиканцев. Вопросы, которые задавал батабам халач виник, сохранились в сильно искаженном виде (они записаны не ранее конца XVI в.) и представляют собой замысловатые загадки (например, халач виник требует, чтобы испытуемый принес ему солнце, на котором сидит зеленый ягуар и пьет кровь; ответ: яичница с зеленым перцем). Вся эта церемония была, по видимому, чисто формальной.

Власть батаба была ограничена. Прежде всего, он зависел от халач виника и выполнял его приказы. Далее, он должен был согласовывать свои действия с жрецами, «которым они [жители] подчинялись, хотя и не так, как батабам» (CDU, XIII, 182). Наконец, при батабе было

2–3 советника, *ах куч каб* («держатели земли»), которые могли опротестовать решения батаба. По предположению Ройса, эти советники представляли интересы богатейших жителей селений. В ряде случаев батабам приходилось либо мало считаться с халач виником, либо подавлять сопротивление своих «советников». Представителями батаба и исполнителями его приказаний были особые должностные лица — *ах к'улель*. Низшие служители (*тупиль*) выполняли полицейские функции (в колониальное время этих служителей называли альгвасилами).

В «Сообщениях из Юкатана» (CDU, XIII, 103–104) говорится: «Они [жители селений] не платили ему [батабу] никакой дани; они только поддерживали его тем, что изготовлялось или сеялось». Это утверждение, очевидно, нужно понимать в том смысле, что батабу доставалось гораздо меньше, чем халач винику (стр. 140). Например, жители селения дона Педро Шиу (уже в колониальное время) обязаны были возделывать для него кукурузное поле, предоставлять ему каждую неделю мужчину и женщину для домашних работ и ремонтировать его дом по мере надобности («Хроника из Ошк'уцкаба»).

Обязанностью батабов было наблюдение за сельскохозяйственными работами. Батабы «имели заботу распорядиться постройкой и ремонтом домов своего селения, посевом всего, что нужно для пропитания, и своевременной обработкой и возделыванием полей» (CDU, XI, 80). Сроки сельскохозяйственных работ устанавливались жрецами.

Как указывалось выше, батабы обладали также судебной властью. «Они наказывали преступления своих вассалов; убийцам причиняли смерть таким же образом, как они причинили; прелюбодеев наказывали смертной казнью; их помещали в высоту в публичном месте, где их все могли видеть; воров, если они не имели чем заплатить за украденное, обращали в рабство, пока они не были в состоянии заплатить за то, что украли. Следствие вели устно, со свидетелями, хотя имели буквы или знаки, которые понимали, но им обучали только сеньоров и жрецов» (CDU, XI, 80). По Гаспару Антонио Чи, не всех убийц казнили: «Убийца, если он убил не стрелой, подлежал смертной казни; если же убийца был моложе своей жертвы, его обращали в рабство, если же убийство было случайным и без злого умысла, он платил раба за убитого» (Тоззер, 1941, 232). Источники упоминают особых должностных лиц «наподобие юристов», которые вместе с батабом разбирали судебные дела.

Во время войны батаб командовал отрядом воинов своего селения. По словам Ланда, воины были постоянными и во время походов получали жалование. «В прежние времена, как сказано выше, у них был человек, который командовал ими, как и теперь; это был тот, кого они называли батаб. Как сказано выше, упомянутый был капитаном» (CDU, XIII, 185–186). Кроме батаба, был еще второй военачальник, након, которого, по словам Ланда, избирали на три года (т.е., собственно, на четыре,

так как он переизбирался на четвертый год). В «Сообщении из Дохот» говорится: «Этот народ, как рассказывали мне два здешние старика, знал трех принципалов. Один назывался на их языке батаб, что значит на нашем языке капитан. Они не платили ему дань, но собирались в его доме обсуждать некоторые дела, и когда шли на войну, он был у них во главе», и далее: «Капитаны, которых они выбирали для войны, назывались накомы, и если какой-либо из этих накомов обращался в бегство или его убивали, то его солдаты также обращались в бегство и убежали, и тогда при погоне многих из них убивали, но при всем том, когда мы пришли в эту страну, в ней было бесконечно много людей, чего нет сейчас» (CDU, XIII, 208–209). Тоззер, Ройс и другие авторы полагают, что батаб только находился при войске, а командовал фактически након. По рассказу Ланда скорее можно заключить, что было наоборот. У Ланда, как и в цитированном выше тексте, говорится, что накомов было два. Один из них приносил человеческие жертвы (что связано с военным ритуалом, так как в жертву приносили прежде всего знатных пленников). Обязанностью второго накона (которого избирали раз в четырехлетие на военном празднике) было также выполнение военного ритуала и соблюдение разных запретов. Таким образом, фактически командовал отрядом, очевидно, батаб («постоянный военачальник» — в тексте Ланда), а накомы выполняли главным образом жреческие функции.

Особую прослойку среди знати составляли жрецы. Жрецами делались обычно сыновья самих жрецов, или же младшие сыновья знатных (старший сын наследовал отцу). Должность верховного жреца, по Ланда, была наследственной. Жречество играло громадную роль в общественной жизни, так как в его руках был сосредоточен не только религиозный ритуал, но и почти полностью научные знания и искусство. Верховный жрец, бывший советником халач виника, назначал жрецов в селения, которые в свою очередь были советниками батабов. Будучи единственными знатоками календаря, жрецы устанавливали сроки сельскохозяйственных работ.

Следует упомянуть также купцов-профессионалов, которые были частью из знати, частью из разбогатевших общинников (*айик'аль*). Различались торговцы местные и путешествующие. Последние доставляли свои товары на громадные расстояния с помощью рабов-носильщиков или на лодках. Между всеми важнейшими городами были проложены дороги, мощенные щебнем (*сакбе*). Кортес во время похода в Гондурас пользовался картами дорог, употреблявшимися купцами.

На морских побережьях для перевозок использовались долбленные лодки с парусами, вмещавшие до 40 человек. Одну из таких лодок, груженную пестрыми тканями, какао и металлическими изделиями, встретил Колумб у берегов Гондураса во время четвертого путешествия.

В городах были устроены обширные рынки, а также «дома отдыха», в которых за определенную плату могли останавливаться купцы с товарами. Торговля велась в установленные дни. Майя вели торговлю не только внутреннюю, но и внешнюю, с соседними народами. В качестве товаров фигурировали рабы, какао, кукуруза, мед, соль, перец, бобы, тыквы, плоды, ваниль, напитки, хлопковая пряжа, ткани, шкуры, одежда, животные, оружие, кремль, обсидиан, ступки из камня, посуда из дерева, глины и камня, воск, медь, серебро, золото, драгоценные камни (особенно нефрит), раковины, перья кецаля и других птиц, украшения, статуэтки, музыкальные инструменты, краски, бумага, копал, чикле (смола дерева сапоте), каучук, лечебные травы. Многие из этих товаров доставлялись в Юкатан извне. Важнейшими юкатанскими товарами были ткани, мед и воск, а также рабы, кремневое оружие, соль и рыба. Металлические изделия, которых не было в Юкатане, доставлялись из Мексики, Гондураса, Никарагуа, Панамы и даже Колумбии.

В качестве главной единицы обмена употреблялись бобы какао. Реже для той же цели использовали раковины, полотнища определенных размеров, мексиканские медные топоры и колокольчики, нефрит, а в Гватемале также перья кецаля. По словам Овиедо, в Никарагуа раб стоил 100 бобов какао, заяц — 10, проститутка — 8–10. Испанский реал приравнивался к 80–100 бобам какао. Какао в качестве единицы обмена сохранялось долгое время после испанского завоевания. Так, в колониальное время за совершение «языческого» обряда накладывался штраф до 125 000 бобов какао.

Семья у майя, по-видимому, была переходной от парной к моногамной, причем некоторые данные позволяют предположить наличие большой патриархальной семьи. Ланда, Лисана и Когольюдо утверждают, что майя не имели более одной жены. Санчес де Агиляр говорит о полигамии, но он, по-видимому, имеет в виду наложниц знати (Тоззер, 1941, 100). В «Сообщении из Мотуля» говорится: «Они никогда не имели брачных отношений более, чем с одной женщиной, но они оставляли ее по незначительным поводам и женились снова, и были мужчины, которые женились 10 и 12 раз, и женщины могли также свободно покидать своих мужей и брать других, но в первый раз их венчал жрец» (CDU, XI, 80). Тем не менее перемена жен не одобрялась (стр. 147), а прелюбодеяние каралось смертью. Женщины не принимали участия в общественной жизни. Им запрещалось наследовать имущество (стр. 146), участвовать в религиозных церемониях, посещать храмы (стр. 162), есть вместе с мужчинами (стр. 142) и даже смотреть на них (стр. 161). Монах Лоренсо Бьенвенида писал в письме испанскому принцу Филиппу: «Вашему высочеству надлежит знать, что в этой стране едва ли есть дома, где живет только один домохозяин. Напротив, каждый дом имеет двух, трех, четырех и даже более; и среди них есть

один патриарх (*paterfamilias*), который является главой дома» (CIW, Publ. № 523, СААН, v. VI, № 30, 1940, 14).

По словам Ланда (стр. 148), жених должен был 5–6 лет отработать в доме тестя. Почти то же говорится в «Распоряжениях» Томаса Лопеса: «Они часто заставляют своих зятьев служить им 2 или 3 года, и часто они не позволяют им покидать их дома и жить, как они хотят» (Коголюдо, V, 16). Обычай этот, очевидно, отмирал, так как в другом месте (стр. 124) Ланда говорит, что молодые жили в шалаше либо у дома свекра, либо у дома тестя. Ройс на основании материалов переписи на острове Косумеле (1570 г.) показывает, что большинство (правда незначительное) супружеских пар жило в домах свекров, а не тестей.

Ланда и Эррера перечисляют ряд брачных запретов. По их словам, запрещалось жениться на женщинах, носящих то же родовое имя (хотя в «Родословном дереве Шиу» встречаются нарушения этого правила), запрещался левират и сорорат (женитьба на женах братьев и сестрах жены), женитьба на тетках по матери и мачехах. По словам Ланда, разрешалось жениться на других родственницах по матери, хотя бы они были двоюродными сестрами (стр. 148). Некоторые исследователи усматривают в этом указание на наличие перекрестно-двоюродного брака. В некоторых случаях материалы переписи на Косумеле позволяют предполагать перекрестно-двоюродный брак, но таких случаев немного.

В терминах родства и свойства у майя (они сохранились в словаре из Мотуля и у Бельтрана) прослеживаются черты классификационной системы родства. Были отдельные названия для дедушки по отцу (*сукум*), дедушки по матери (*мам*), бабушки по отцу (*мим*), бабушки по матери (*чич*), старшего брата (*сукум*) и старшей сестры (*кик*). Младший брат и младшая сестра назывались одинаково (*иц'ин*). Тетки и дяди назывались составными терминами (дядя по отцу: *ц'е-юм* — «как бы отец»; тетка по матери: *ц'е-наа* — «как бы мать»; эти слова означают также «отчим» и «мачеха»), кроме дяди по матери, для которого было отдельное название (*акан*). Двоюродные братья и сестры также назывались составными терминами: *каа-сукум*, *каа-кик* («второй брат», «вторая сестра»). Женщина называла своего сына и сына своей сестры одинаково (*аль*). Мужчина одинаково называл своего сына и сына своего брата (*мехен*). Муж одинаково называл отца жены и мужа дочери (*хаан*).

По словам Ланда и других источников, майя в течение жизни трижды изменяли имя. Ребенку давалось «детское» имя (*нааль к'аба*); после «крещения» к «детскому» имени прибавлялось родовое имя, переходящее по отцовской линии. После брака родовое имя сохранялось, а «детское» заменялось «материнским» именем, переходящим по женской линии обычно с приставкой *на-* (мать). Иногда имена заменялись прозвищами или сочетались с титулами.

Культура майя оказала сильное влияние на соседние народы. Майя первыми на континенте Америки разработали систему иероглифической письменности, под влиянием которой возникла письменность у тольтеков и сапотеков. Созданный майя календарь вошел в употребление у многих народов Мексики почти без изменения. Для обозначения цифр майя употребляли три знака — точку для единицы, черточку для пяти, изображение раковины для нуля. С помощью этих трех знаков можно было записать любое число, так как майя употребляли позиционную систему написания чисел, подобную европейской, но с той разницей, что у майя счет был двадцатиричный, а число писалось сверху вниз. Самая нижняя цифра обозначала единицы, вторая снизу — двадцатки, третья снизу — четырехсотки и т.д. Особенно значительных успехов майя достигли в области астрономии. Продолжительность солнечного года астрономы майя вычислили с точностью до одной минуты (т.е. точнее, чем в принятом в настоящее время григорианском календаре). Майя умели рассчитывать наступление солнечных затмений, знали периоды обращения луны, а также Венеры и других планет. О других научных знаниях майя сведения крайне скудны. Известно, что была значительно развита медицина и в связи с ней ботаника, так как лекарствами служили обычно растения.

Источники не сообщают, имелись ли у древних майя школы. Однако по аналогии с ацтеками можно предполагать наличие у майя специальных школ, где обучались дети жрецов и знати. Обучение молодежи было в руках жрецов, а главным предметом изучения являлась жреческая астрология, т.е. умение предсказывать будущие события. Астрология отчасти включала и положительные знания по метеорологии, климатологии, астрономии и математике, потому что жрецы должны были уметь предсказывать не только судьбу отдельных лиц, удачу в походах и так далее, но и наступление дождей, засухи и различные астрономические явления. Кроме астрологии, важным объектом изучения была история. В книгах Чилам Балам сохранились хроники на языке майя, частично составленные, по-видимому, задолго до испанского завоевания. В этих хрониках кратко записывались важнейшие события, случившиеся в течение каждого «двадцатилетия» (к'атуна). Особенное внимание будущие жрецы уделяли изучению мифологии и религиозных обрядов.

По словам Когольудо, в городе Тишхуалатун находились архивы, где можно было получить любые сведения, «как в Саламанке».

Главными источниками для изучения религии майя, кроме Ланда, являются мифологические и пророческие тексты в книгах Чилам Балам, а из испанских источников наиболее важна работа Педро Санчеса де Агиляр «Разоблачение идольских культов в Юкатанском епископстве» (1639 г.).

В сельской земледельческой религии важнейшую роль играли Чаки, боги дождя и покровители полей. По представлениям майя, Чаки были связаны с символикой цветов и странами света: красный Чак помещался на востоке, желтый — на юге, черный — на западе, белый — на севере. С Чаками очень тесно связаны Бакабы и Павахтуны, также находившиеся в четырех странах света. Различие между Чаками, Бакабами и Павахтунами не совсем ясно. По мнению Ройса, Павахтуны считались преимущественно богами ветра; представления о них оказались очень стойкими и сохранялись до XX в., но в результате христианизации майя стали называть красного Павахтуна св. Домиником, белого — св. Габриэлем, черного — св. Диэго, а желтого Павахтуна — богиню Иш К'ан Леош, покровительницу кукурузы — отождествили с Марией Магдалинной. И Чаки, и Бакабы могли рассматриваться у майя (по-видимому, уже в жреческом толковании), как один бог Чак или Бакаб в четырех ипостасях. Далее, в земледельческой религии важнейшую роль играли бог кукурузы и бог смерти. Бог кукурузы всегда изображался юным. Имя его было табуировано, и он назывался описательно Юм К'ааш («Владыка лесов»). Бог смерти изображался в виде скелета, звали его тоже описательно Ах Пуч («Разрушитель»), Юм Кимиль («Владыка смерти»), Мультиун Пек' («Холм черепов»).

Верховным богом в пантеоне майя был Ицамна, бог неба. Женой его считалась богиня Иш Ч'ель, богиня плодородия. По Лас Касасу, Иш Ч'ель была матерью богини Иш Чебель Яш, жены Ицамны и матери Бакаба, которого христианизированные индейцы отождествляли с Христом. Кого-либо называет женой Ицамны Иш Асаль Вох, богиню луны и ткачества, а их дочь Иш Чебель Яш — изобретательницей рисования и искусства делать узоры на одежде. Эти противоречия объясняются тем, что в различных городах-государствах пантеон был разным; хотя некоторые божества были общими для всех, но называли их часто по-разному.

Ицамна, бог неба, обитающий на облаках, считался создателем цивилизации майя; ему приписывали изобретение письменности и наук; считалось, что он разделил Юкатан на провинции и дал название местностям. Жрецы считали его своим покровителем. Бог войны, покровитель военной знати, назывался по-разному и всегда описательно; К'ак'-у-пакат («Огненный Лик»), Пак'ок («Несущий ужас»), Ах Чуй К'ак' («Вносящий огонь»), Хумпикток' («8 тысяч копий»). К'ук'улькан считался покровителем тольтекской по происхождению знати; культ его был принесен в Юкатан тольтекскими завоевателями в X в. Купцы считали своим покровителем бога Эк' Чуах, который считался также покровителем плантаций какао. Бог полярной звезды Шаман Эк' («Северная звезда») был также покровителем купцов и путешественников.

В иероглифических рукописях майя и в произведениях искусства боги, как правило, изображаются в человеческом образе, кроме К'ук'улькана, который обычно имеет тело змеи и человеческую голову. Но наряду с богами в мифологии значительную роль играли обожествленные животные. В иероглифических рукописях они часто изображаются со звериной или птичьей головой на человеческом туловище. К'инич К'ак' Мо («Солнечноглазый попугай»), по-видимому, олицетворял солнце и, по Когольюдо, в Ицмале отождествлялся с Ицамной. *Цуль каан*, небесная собака, изображаемая с горящими факелами в лапах, олицетворяла молнию. Важную роль в мифологии играла сова (*муан*), связанная с представлениями о 13 небесных сферах, и ягуар (*балам*). Ягуарами иногда называли богов стран света — Чаков и Бакабов. При этом важно отметить, что титул «ягуар» носили правители и военачальники, а также жрецы. Трон правителя носил название «циновки ягуара» (*иш поп ти балам*). На фресках Бонампака три главных персонажа (может быть, правитель и два военачальника) одеты в шкуры ягуаров.

Судя по текстам в книгах Чилам Балам, жрецы майя разработали сложнейшие мистические учения о богах, главным образом в связи со жреческим календарем, летосчислением и астрологией. Согласно этим учениям, боги правили миром поочередно, сменяя друг друга у власти. Четыре бога — Хобниль, Кан Цик Наль, Сак Кими и Хосан Эк' — сменяли друг друга у власти ежегодно. Они отождествлялись с богами стран света — Бакабами, Чаками и Павахтунами, а также с обожествленными ягуарами. Эти представления в своей основе фантастически отражают древний социальный институт смены власти по родам, и боги, сменяющие друг друга у власти, первоначально, вероятно, соответствовали тотемам сменяющих друг друга у власти родов. Аналогичным образом возникли представления о богах, сменяющих друг друга у власти каждое «двадцатилетие» (к'атун), отражающие, очевидно, позднейший этап, когда срок пребывания у власти значительно удлинился. Согласно жреческим учениям, было 13 богов, которые правили миром в следующем порядке: каждый бог находился у власти 30 лет; в течение первых 10 лет «двадцатилетия» он принимал власть у своего предшественника, затем 10 лет он правил один, и, наконец, последние 10 лет (уже следующего «двадцатилетия») он правил вместе с преемником, передавая ему власть. Но эти боги не только поочередно правили миром. По Авенданьо (Минс, 1917, 141), 13 богам «двадцатилетий» соответствуют 13 провинций, на которые делился Юкатан согласно древним традициям. Каждый из 13 богов постоянно правил одной из этих провинций и периодически — всем миром. Имена этих богов следующие: Яшхаль Чак («двадцатилетие» 11 Ахау), Сак Вакналь (9 Ахау), Эк'Чуах (7 Ахау), Пуск'оход (5 Ахау), Яш Кокай Мут (3 Ахау), Амайте К'у (1 Ахау), Яшхаль Чуэн (12 Ахау), Лахун Чаан (10 Ахау), Амайте К'авиль (8 Ахау), К'инич

К'ак'Мо (6 Ахау), Ах Бакокоб (4 Ахау), Булук Ч'абтан (2 Ахау), Ицамна Ицам Цаб (13 Ахау). Некоторые из этих имен понятны, например Лахун Чаан («Десятое небо», бог планеты Венеры), но многие не поддаются убедительной этимологии. Соответственно с тем, какой бог должен принимать или сдавать власть, его статую с подобающими обрядами вносили в храм или выносили. В таком же духе были тщательно разработаны мистические учения о том, какой бог является покровителем каждого дня в году, и даже каждого часа в сутки. На этих учениях основывалась жреческая астрология в своих предсказаниях.

У майя была особая категория жрецов, которые специализировались на пророчествах, — чиланы. Согласно книге Чилам Балам из Тисимины, способ пророчествовать был следующим: чилан уходил в комнату своего дома и, придя в экстаз, ложился там; считалось, что в это время чилан беседует с богом или духом, спустившимся на крышу дома чилана. Другие жрецы, собравшись в соседнем помещении, слушали откровение с опущенными лицами. В книгах Чилам Балам сохранилось много пророческих текстов. Кроме того, у майя были знаменитые оракулы, особенно в Чичен-Ице и на острове Косумеле. По Когольюдо, на Косумеле был пышный храм божества Теель Кусам, которое изображалось с лапами ласточки. Статуя этого божества, сделанная из терракоты, была пустой внутри и прислонялась к стене. В середину прятался жрец, который от имени божества давал ответы паломникам. Кроме того, на острове Косумеле был оракул богини Иш Ч'ель.

По словам Лисаны, правители и некоторые жрецы почитались у майя наравне с богами. Из описания Ланда видно, что имелся культ умерших правителей. Их пепел помещали в статуи, вероятно, портретные. Лица, которых приносили в жертву, в ряде случаев рассматривались как воплощение бога.

У майя имелись развитые космогонические и эсхатологические мифы (о начале и конце мира), известные отчасти по мифологическим текстам в книгах Чилам Балам, отчасти по этнографическим данным. Тоззер записал со слов индейцев в окрестностях Вальядолида (бывшая провинция Купуль) рассказ об эрах, которые пережили мир. В первую эру жили карлики *сайям выникоб* («люди порядка»); эти карлики были строителями древних сооружений, руины которых встречаются в Юкатане. Они работали в темноте, так как солнца еще не было. Когда взойшло солнце, карлики обратились в камни. Первая эра закончилась потопом *Ха-йок'оль-каб* («вода над землей»). Во вторую эру жили *ц'олоб* («нарушители»); снова мир был разрушен потопом, после чего появились люди *майя* или *масевали* («простой народ»). Последовал третий потоп *Хун-йекиль* или *Буль-кабаль* («погружение»). Четвертая, современная эра тоже должна окончиться потопом. Эта версия, очевидно, довольно сильно отличалась от космогонических мифов древних майя.

Как сообщают испанские авторы (Ланда, Когольудо, Эррера), по представлениям майя, в доисторическую эпоху мир был населен гигантами (*чаак*). Миф о потопе упоминается в книге Чилам Балам из Чумайеля и у многих испанских авторов XVI–XVII вв. Сходные космогонические представления были у киче («Пополь Вух») и у народов Мексики (тольтеки, ацтеки).

По представлениям майя, было 13 небес, или небесных сфер («словес неба»), и 9 подземных миров. По четырем углам мира, на востоке, севере, западе и юге, находились «мировые деревья», которые соответственно назывались Красное, Белое, Черное и Желтое дерево. В центре мира находилось Зеленое дерево (*яш-че* или *имши яш-че*). На четырех «мировых деревьях» по странам света обитали боги дождя Чаки. Здесь же были четыре гигантских кувшина (*бакаб*) с водой; когда боги лили из них воду, шел дождь. Боги Бакабы, по-видимому, связаны с представлениями об этих кувшинах. На небесах в тени ветвей Зеленого дерева находился рай с богиней Иш Таб, а в подземных мирах — ад. Адского бога майя называли условно Хун Ахау («Первый владыка»); он, вероятно, тождествен с богом смерти. В эпоху испанского завоевания майя называли подземный мир *Метналь* (от ацтекского *Миктлан*). Древнее название подземного мира было, вероятно, *Шибальба* (оно сохранилось у киче в «Пополь Вух»; ср. Ланда, стр. 174). Многие зарубежные исследователи совершенно неосновательно относят представления об аде и рае за счет влияния католических миссионеров. В действительности представления о загробном возмездии развиваются по мере возникновения классового общества, независимо от влияния извне. По представлениям майя, участь в загробном мире определялась не только этическим принципом (т.е. поведением в земной жизни), но и социальной принадлежностью (например, жрецы после смерти попадали на третье небо), и, отчасти, родом смерти (повесившиеся попадали в рай, к богине повешенных Иш Таб).

В целом религия майя была мощным орудием классового угнетения. Она воспитывала в народных массах страх и покорность перед жрецами и знатью, якобы обладавшими тайными знаниями всего, что происходит на небе и на земле, бывшими глашатаями воли великих богов, управляющих страшными силами природы.

От богатой литературы майя, благодаря беспримерному варварству католических монахов, яростно уничтожавших «языческие» рукописи, написанные иероглифами, сохранились жалкие остатки. В конце XIX в. во многих местах Юкатана были обнаружены учеными так называемые книги Чилам Балам («Книги пророка-ягуара»; Чилам Балам — имя известного пророка майя из Мани). Эти книги написаны испанскими буквами, приспособленными к языку майя («традиционный алфавит»), и представляют собой довольно хаотическую смесь текстов и отрывков

различного содержания, стиля и происхождения. Некоторые отрывки относятся к доиспанскому периоду и, вероятно, являются транслитерацией иероглифических текстов, но подверглись более или менее сильному искажению. Другие отрывки написаны уже в колониальное время. Некоторые тексты повторяются в разных книгах Чилам Балам. Списки большинства этих книг относятся к XVIII в. В начале XIX в. такие книги были почти в каждом индейском селении, но во время «войны рас» юкатанские каратели, зверски избивавшие индейское население, уничтожили и последние остатки древней литературы майя, пережившие страшные века испанского колониального режима.

Из 13-ти книг Чилам Балам (часть их известна лишь по названию) опубликованы и переведены только некоторые. Изучению подвергались главным образом книги Чилам Балам из Чумайеля, Мани и Тисимины. Впервые отрывки из книг Чилам Балам с весьма сомнительным испанским переводом опубликовал Лисана (1633 г.). Первым собирателем и исследователем этих книг был Пио Перес. В 1843 г. Стефенс опубликовал некоторые отрывки, переведенные на английский язык с испанского перевода Пио Переса. Затем появились переводы хроник майя из книг Чилам Балам на французский (Брассёр де Бурбур) и английский (Бринтон) языки. До 1930 г. не было попыток дать полный перевод какой-либо из книг Чилам Балам. Дело в том, что язык, на котором написаны многие тексты в этих книгах, сильно отличается по лексике и грамматике от языка майя, изученного испанскими миссионерами XVI–XVII вв. Первый опыт перевода книги Чилам Балам из Чумайеля сделал Медис Болио (1930 г.). Позже появились и другие переводы. Все они более или менее приближительны и во многих местах сильно расходятся друг с другом.

Сохранившиеся в книгах Чилам Балам древние тексты дают некоторое представление о литературе майя. Наиболее распространенными и, вероятно, одними из самых древних были календарные тексты или «альманахи». Эти тексты представляют собой краткие заметки о днях и месяцах; часть заметок — жреческая астрология, но многие из них — просто народные приметы. Образцом календарного текста, дающего приметы на каждый день года, может служить «альманах» на 1841/42 г. из материалов Пио Переса, опубликованный Стефенсом. В нем приводятся такие, например, приметы: «9 [число месяца] Соц 4 [день] Эб. Плохой день; рождается владыка», «18 Сип 6 Имиш. Хороший день; дождь». Подобным образом даются приметы к месяцам, например: «[месяц] Мак; черепахи кладут яйца», «[месяц] Шулъ; рыбы мечут икру» (книга Чилам Балам из Чумайеля). Некоторые календарные тексты чисто астрологического характера, например заметки к названиям каждого из 20 дней: «[день] Мулук. Акула и ягуар — его знамение. Пожирание сыновей, пожирание жен. Богатые. Убийца двуутробок также.

Богатые также» (книга Чилам Балам из К'ава; речь идет о судьбе лиц, родившихся в этот день; см. ниже комментарии к названиям дней).

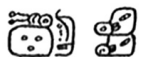
Подобного рода тексты были, по-видимому, у всех сельских жрецов. Из трех сохранившихся иероглифических рукописей две (Дрезденская и Мадридская) представляют собой в основном именно календарные тексты с хозяйственными метеорологическими, астрологическими и ритуальными указаниями в таком роде: «бог Чак находится на Красном дереве на востоке», «бог Чак зажигает факелом огонь в небе» (т.е. гроза), «принести в жертву богу Чаку на поле индюка» (Дрезденская рукопись, с. 30, 36, 41) и т.д. Отдельные разделы трактуют, например, о следующих предметах:

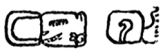
мачан кех (че) — ловля оленей (Мадридская рукопись, стр. 40–41);

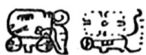
у пак'каб — роение пчел (там же, стр. 103–106);

тиц'билах поп — изготовление циновок (там же, стр. 102);

пак'мул — окраска (ступеней) пирамиды (там же, стр. 64; ср.: Ланда, стр. 183);

к'амаан никтеил — получение букета, свадебная церемония (Дрезденская рукопись, стр. 12, 15).

Особо следует выделить тексты ритуальные, трактующие о местопребывании и атрибутах богов, хотя они могут быть связаны с календарными текстами. Ритуальные тексты представляют собой обычно сухие перечни. Образцами их могут служить «Ритуал четырех стран света» (в книге Чилам Балам из Чумайеля) и разделы о местопребывании бога Чака в иероглифической Дрезденской рукописи (в последнем случае текст календарно-ритуальный).

Важное место в литературе майя занимали хроники, сохранившиеся в рукописях Чилам Балам из Чумайеля, Мани и Тисимины.

В хрониках кратко перечисляются важнейшие события с V в. до 1610 г., обычно без комментариев, например: «в двадцатилетие 6 Ахау [692–711 гг.] была захвачена страна Чак'анпутун», «в двадцатилетие 5 Ахау [1342–1362 гг.] пришли иноземцы, пожиратели людей; иноземцы без юбок — их имя; страна не была опустошена ими». Хроники частично восходят к иероглифическим текстам. Иероглифические

рукописи исторического содержания упоминают, кроме Ланда, Санчес де Агиляр, Вильягутьерре и Понсе.

Наряду с хрониками в книгах Чилам Балам встречаются исторические повествовательные тексты, образцом которых может служить описание прихода к власти Хунак Кееля (книга Чилам Балам из Чумайеля). Повествование ведется в сжатом энергичном стиле. Повествовательные тексты могут быть с полным основанием отнесены к художественной литературе.

Далее, в книгах Чилам Балам представлены мифологические тексты, которые характеризуются довольно вычурным стилем и большим количеством мест, связанных со жреческой символикой и мистикой. Таковы тексты о «Сотворении мира», «Создании месяца» и «Ритуал ангелов» в книге Чилам Балам из Чумайеля.

Обширно представлены в книгах Чилам Балам пророческие тексты, т.е. пророчества чиланов о будущих «годах» и «двадцатилетиях». Из всех религиозных текстов пророчества отличаются наибольшими художественными достоинствами. В пророчествах речь идет, как правило, о бедствиях, как то: война, засуха, голод и т.д. Засуха, например, описывается в таких выражениях: «В это время вспыхнет пламя в сердце страны; загорится земля, загорится высота. В это время будут взяты запасы овощей, будут мольбы к небу. Хлеб погибнет, пища погибнет. Заплачут совы, заплачут филины на перекрестках по всей земле, по всему небу». О временах после испанского завоевания пророческий текст говорит: «Увы! Под бременем младшие братья [т.е. индейцы] в двадцатилетия 7 Ахау из-за горя, из-за нищеты, из-за дани, впервые наложенной на вас. Вы будете нести бремя дани завтра и в последующие дни, когда вырастут ваши дети. Будьте готовы переносить тягость нищеты, которая бродит среди ваших селений». Кроме пророчеств о «годах» и «двадцатилетиях», сохранилось несколько пророчеств о возвращении К'ук'улькана. Католические монахи пытались выдавать их за пророчества о приходе испанцев и использовали при обращении индейцев в христианство.

Из религиозных текстов следует отметить еще заклинания и молитвы. Они очень редки в книгах Чилам Балам. Тоззер опубликовал молитвенные песнопения на диалекте лакандонов (записанные им в начале XX в.).

Образцом эпических текстов может служить так называемая «Песня ица» (книга Чилам Балам из Чумайеля), в которой говорится о захвате Чичен-Ицы вражеским войском. Эта песня сохранилась в сильно искаженном виде. «О! Что достойно нас? — Драгоценный нагрудный камень. — Что отличает доблестных людей? — Мой плащ, моя повязка. — Так сказал бог. — Плакал ли ты о ком-нибудь? — Ни о ком. — Юношей я был в Чичен-Ице, когда пришел захватывать страну злой

предводитель войска». Далее певец говорит о разгроме его родного города и о том, что он умирает на городском празднике (вероятно, приносимый в жертву торжествующими победителями). Эпические произведения, по-видимому, были в большом ходу у майя. Санчес де Агиляр сообщает, что индейцы на своих собраниях читали книги исторического содержания и некоторые места в них пели под аккомпанемент барабана.

Хотя лирическая поэзия, несомненно, была у древних майя, ни одного образца ее не сохранилось. В источниках упоминаются песни, написанные определенным размером (среди иероглифических текстов). Впервые лирические песни майя были записаны в конце XIX в. (образец любовной песни опубликован Брассёр де Бурбуром). Трудно судить, насколько они отличались от древних.

В книгах Чилам Балам представлены диалоги или, скорее, вопросы и ответы. В этих текстах перечисляются вопросы, которые должен задавать верховный правитель в начале нового «двадцатилетия», когда проверялись полномочия батабов, управлявших селениями. На эти вопросы тут же дается ответ. Тексты эти записаны уже после испанского завоевания и, вероятно, сильно искажены.

По свидетельству Ланда и других источников, у древних майя пользовались большим распространением драматические произведения (*балъц'ам*). Для театральных представлений строились специальные сооружения в виде каменных платформ. Были профессиональные актеры, отличавшиеся большим мастерством. Представления были исторического и мифологического содержания. Актеры обычно надевали маски. Насколько можно судить, у древних майя были и трагедии, и комедии. Ни одно драматическое произведение не сохранилось, но известны (по словарю из Мотуля) названия некоторых комедий, например «Прихлебатель», «Продавец кувшинов», «Белый попугай», «Садовник, выращивающий какао». Брассёр де Бурбуром была записана драма на языке киче «Рабиналь-Ачи» (на испанский язык ее перевел Луис Кардоса-и-Арагон).

Инструментальная музыка у майя была очень тесно связана с песнями и танцами. По данным Даниэля Айяла, майя употребляли пятитонную гамму. Музыкальные инструменты описаны у Ланда достаточно подробно. Из его описания видно, что майя употребляли разнообразные ударные и духовые инструменты, в частности флейту (*чуль*) с четырьмя отверстиями. Струнных инструментов не было, если не считать музыкального лука с тетивой из волокон хенекена. Танцующие употребляли металлические бубенчики. Древние танцы майя известны только по описанию Ланда.

Архитектура майя была весьма разнообразна. Среди различных архитектурных сооружений следует упомянуть ступенчатые пирамиды

с храмами на вершине, дворцы, астрономические обсерватории, стадионы для игры в мяч, колоннады, платформы для танцев и представлений, здания для паровых бань, арки и т.д. Древнейшим образцом архитектуры майя является ступенчатая пирамида E-VII-sub в Вашактуне, с четырьмя лестницами, украшенная 16 белыми рельефными масками. Для перекрытия помещений майя употребляли так называемый «ложный свод», образуемый наклоном стен, обычно стрельчатой формы, хотя встречается и форма трилистника. В древнейший период (до IX в.) фасад зданий обычно украшался посередине и наверху поясами сложных узоров (иногда с иероглифическими надписями). Здания Ушмаля и городов прилегающей к нему холмистой области Пуук характеризуются преобладанием геометрического архитектурного орнамента и широким употреблением колонн (круглых с квадратной капителью) и полуколонн (стиль Пуук). Постройки Чичен-Ицы тольтекского периода украшались стилизованными фигурами людей и животных, особенно змей.

Скульптура майя достигла чрезвычайно высокого развития. На древнейших рельефах фигуры изображаются условно — голова и ноги в профиль, а туловище в фас. Но вскоре появляются рельефы, где фигуры изображены полностью в фас или в профиль. Скульптура не только служила для украшения зданий, но и являлась самостоятельным видом искусства. Стелы в честь окончания «двадцатилетия» обычно снабжались рельефными изображениями, а в ряде случаев делались в виде статуй. Многие рельефы изображают сложные сцены (бои, пленники перед правителем, правитель на троне, окруженный знатью, и т. д.) и отличаются исключительной выразительностью и реализмом. Сохранились великолепные образцы круглой скульптуры майя, например «юный бог кукурузы» из Копана. В эпоху после тольтекского завоевания скульптура использовалась почти исключительно для украшения зданий и перестала играть самостоятельную роль.

Образцов живописи майя сохранилось очень немного, но их достаточно, чтобы судить о том, какого мастерства достигли древние художники майя. Наиболее выдающимся памятником живописи являются фрески Бонампака (VIII в.), расположенного недалеко от Яшчилана. Фресками покрыты стены здания, построенного на склоне холма. Здание состоит из трех помещений. На стенах помещения слева (если смотреть с фасада) изображено приготовление к битве. Прямо против входа изображены (в натуральную величину) три фигуры военачальников в пышных головных уборах из зеленых перьев. Справа и слева их окружают воины в причудливых шлемах, музыканты, поднявшие вверх ударные инструменты, знаменосцы, трубачи с большими трубами, фигуры в звериных масках (всего изображено 26 фигур). На противоположной стене того же помещения новая сцена.

Главный военачальник (вероятно, правитель) сидит на троне, окруженный группой знатных воинов. Он что-то говорит стоящему около него воину, взяв его за руку. Воин слушает, наклонив голову. Поодаль в горделивой позе стоят два других военачальника. Слуги поддерживают их пышные уборы из перьев. В центральном помещении на стене против входа изображен бой. Воин, одетый в шкуру ягуара, хватается за волосы пленника, бессильно поднявшего вверх руки. Но воин смотрит не на пленника. Перед ним два вражеских бойца; один собирается метнуть в него дротик, второй бросается вперед с копьем. Но с другой стороны им навстречу движутся воины-победители с поднятыми палицами и копьями наперевес. Над ними колышутся знамена. Сзади трубач трубит в громадную трубу. На противоположной стене изображена ступенчатая пирамида или платформа. На вершине стоит главный военачальник с копьем в руке. Перед ним сидит знатный пленник, простирая к нему руки. Вокруг два других военачальника со шкурами ягуаров на плечах и знатные воины в торжественных застывших позах. У ног главного военачальника на ступеньке лежит в изнеможении пленник. Голова его запрокинулась, руки бессильно повисли. На груди, руках и ногах видны раны. Сбоку сидят обнаженные пленники с искаженными болью лицами. С пальцев рук у них каплет кровь. Одно из них схватил за руку воин и склонился над ним. Из кисти руки пленника брызжет кровь. В третьем помещении изображено победное торжество. На ступеньках пирамиды танцуют три военачальника и воины в фантастических крылатых уборах. Слева от них трубачи. На боковой стене изображены три женщины (вероятно, жены военачальников; они появляются и в предыдущих сценах); две из них беседуют, третья ест; около них слуга на коленях и служанка с ребенком на руках.

В целом фрески Бонампака поражают стройностью замысла и необыкновенным мастерством исполнения. Из красок наиболее употребительны черная, белая, желтая, красная, оранжевая, зеленая и голубая разных оттенков; краски эти комбинировались. В живописи сохраняется отчасти традиция условного изображения. Так, лицо никогда не изображается в фас, а всегда в профиль. Хотя туловище изображается в фас, ноги при этом обычно показаны в профиль, иногда в разные стороны носками. Но наряду с этим фигуры, как правило, изображаются в разнообразных динамических позах, и многие из них трактованы без малейшей условности, с предельным реализмом и выразительностью. Живописцы майя переходили от условного изображения к перспективному.

Фресковая живопись обнаружена также в развалинах Вашактуна (табл. XVII). Кроме того, образцом изобразительного искусства может служить роспись на сосудах (наиболее знамениты по своим художе-

ственным достоинствам сосуда из Чама, Небаха и Ратинлиншуля). Фресковая живопись, обнаруженная в зданиях тольтекского периода в Чичен-Ице и некоторых других городах Юкатана (Танках, Чакмултун, Тулум), носит совсем иной характер, явно в связи с мексиканским влиянием. Перспектива полностью отсутствует, пропорции не соблюдаются, фигуры не могут закрывать друг друга и т.д. В целом фрески тольтекского периода имеют скорее пиктографический характер и гораздо более примитивны, чем фрески Бонампака и Вашактуна. В «Колодце жертв» в Чичен-Ице обнаружены металлические диски с изображениями, отличающимися высокими художественными достоинствами. Особенно замечательны сцена принесения в жертву пленного воина майя тольтеками и изображение морского боя между тольтеками и майя.

Из спортивных игр следует отметить чрезвычайно популярную у майя игру *пок-та-пок*. Она заключалась в том, что одна команда игроков забивала тяжелый каучуковый мяч в каменное кольцо на стене, а другая команда защищала это кольцо. Мяч били локтями, коленями и туловищем, так как трогать его руками и ногами запрещалось. Для этой игры строились богато украшенные стадионы (в одной Чичен-Ице было шесть таких стадионов). Игра, по-видимому, была очень азартной.

Главы XXXIV–XL и первая половина главы XLI посвящены описанию календаря и летосчисления майя. Эти главы особенно важны, потому что никакой другой источник не дает описания календарных праздников. Для изучения летосчисления майя большое значение имеет также работа Пио Переса (1842), который использовал тексты на языке майя.

Древний календарь майя привлек к себе особое внимание буржуазной американистики. Количество работ по календарю буквально необозримо (из них наибольшее значение имели работы Фёрстеманна, Баудича, Морли и Томпсона). Такое увлечение календарем отчасти объясняется тем, что многие ученые считали изучение календаря ключом к расшифровке письменности майя и поэтому подменили изучение письменности изучением календаря. Между тем крупнейшие знатоки майя, особенно Морли и Томпсон, вообще сводили всю древнюю культуру майя почти что к одному жреческому календарю; при таком подходе получалось, что изучать древнюю культуру майя — это значит изучать календарь (как указывалось выше, Морли ухитрился даже историю майя выводить из календаря).

В результате длительного изучения были установлены цифры майя и способ написания чисел, а также математическое значение (не чтение) 9 иероглифов, обозначающих периоды времени. Кроме того, удалось более или менее приблизительно увязать летосчисление майя с ев-

ропейским (в настоящее время общепринята система пересчета по Гудмэну — Мартинесу Эрнандесу — Томпсону). Совершенно не изученной осталась проблема происхождения календаря. Большинство зарубежных ученых полагают, что календарь и летосчисление были изобретены сразу, одним человеком в III в. до н.э. Эта точка зрения не выдерживает критики хотя бы уже потому, что даже чисто формальное изучение календаря свидетельствует о многократных его изменениях.

Древность календаря майя определяется тем, что в датах на древнейших стелах IV в. н.э. употребляются те же самые иероглифы дней и месяцев, как и в иероглифических рукописях майя XVI в. Поэтому календарь может служить прекрасным источником для изучения древних майя в период, предшествующий возникновению городов-государств. Хотя, по словам Ланда (стр. 192), календарь был полностью монополизирован жрецами, основные элементы его вовсе не жреческого происхождения. В качестве основы календаря жрецы использовали установившееся в течение многовековой практики деление года на сезоны земледельческих работ, а происхождение циклического летосчисления связано с политической организацией (сменой правления по родам).

В жреческом календаре майя счет дней в году был неразрывно связан со счетом дней в 4-летнем и 52-летнем циклах. Поэтому целесообразно прежде всего коснуться всего 52-летнего цикла в целом.

Основными единицами счета времени были 13-дневная неделя, 20-дневный месяц (*виналь*) и 365-дневный год (*хааб*). Дни недели обозначались числами от 1 до 13, а дни месяца имели 20 названий и, кроме того, также обозначались числами от 0 до 19 (первый день месяца считался нулевым). Таким образом, дата майя состояла из числа 13-дневной недели, названия дня, числа месяца и названия месяца, например 4 Ахау 8 Кумху означает 4 число 13-дневной недели, день Ахау, 8-е число месяца Кумху. Такая дата обозначала не только определенный день в году, но и определенный день в 52-летнем цикле, так как она могла повториться только через 52 года. Это можно показать следующим расчетом.

Название дня повторяется с тем же числом 13-дневной недели через каждые 260 дней (13×20).

Каждое из названий дней соответствует одному и тому же числу месяцев (от 0 до 19) в течение года, но на следующий год названия дней смещаются по отношению к числам месяцев, так как 365-дневный год, кроме 18 двадцатидневных месяцев, имеет еще 5 добавочных дней. Отсюда следует, во-первых, что на одно и то же число месяца в разные годы приходятся 4 разных названия дней, и, во-вторых, что через 4 года названия дней придутся на те же числа месяцев ($4 \times 5 = 20$).

После каждых 4 лет следующий год будет начинаться с дня того же названия, но с разных чисел недели. Для того чтобы год начался снова

с дня того же названия и того же числа 13-дневной недели, нужно, чтобы прошло 13 четырехлетних циклов, т.е. 52 года, или 18 980 дней.

Таблица 2

260-дневный и 4-летний циклы

№ п/п	Годы				Название дня	260-дневный цикл												
	I	II	III	IV		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	Ак'баль (К'ан)	Ламат (Мулук)	Бен (Иш)	Эсанаб (Кавак)														
1	19	14	9	4	Имиш	1	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7
2	0	15	10	5	Ик'	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7	1	8
3	1	16	11	6	Ак'баль	3	10	4	11	5	12	6	13	7	1	8	2	9
4	2	17	12	7	К'ан	4	11	5	12	6	13	7	1	8	2	9	3	10
5	3	18	13	8	Чикчан	5	12	6	13	7	1	8	2	9	3	10	4	11
6	4	19	14	9	Кими	6	13	7	1	8	2	9	3	10	4	11	5	12
7	5	0	15	10	Маник'	7	1	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13
8	6	1	16	11	Ламат	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7	1
9	7	2	17	12	Мулук	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7	1	8	2
10	8	3	18	13	Ок	10	4	11	5	12	6	13	7	1	8	2	9	3
11	9	4	19	14	Чуэн	11	5	12	6	13	7	1	8	2	9	3	10	4
12	10	5	0	15	Эб	12	6	13	7	1	8	2	9	3	10	4	11	5
13	11	6	1	16	Бен	13	7	1	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6
14	12	7	2	17	Иш	1	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7
15	13	8	3	18	Мен	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7	1	8
16	14	9	4	19	Киб	3	10	4	11	5	12	6	13	7	1	8	2	9
17	15	10	5	0	Кабан	4	11	5	12	6	13	7	1	8	2	9	3	10
18	16	11	6	1	Эсанаб	5	12	6	13	7	1	8	2	9	3	10	4	11
19	17	12	7	2	Кавак	6	13	7	1	8	2	9	3	10	4	11	5	12
20	18	13	8	3	Ахау	7	1	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13

Примечание. 4 столбца слева указывают числа 20-дневных месяцев; 13 столбцов цифр справа указывают числа 13-дневной недели.

Таким образом, у майя различались следующие циклы (табл. 2, 3):

- 1) 260-дневный цикл, повторяется название дня и числа недели;
- 2) 4-летний цикл, повторяется название дня и числа месяца;
- 3) 52-летний цикл (так называемый «Календарный круг»), повторяется название дня, числа недели и числа месяца.

Происхождение 13-дневной недели, 20-дневного месяца и двадцати названий дней не ясно. Следует, однако, иметь в виду, что система счи-

Таблица 3

52-летний цикл

1	1 Ак'баль	14	1 Ламат	27	1 Бен	40	1 Эсанаб
2	2 Ламат	15	2 Бен	28	2 Эсанаб	41	2 Ак'баль
3	3 Бен	16	3 Эсанаб	29	3 Ак'баль	42	3 Ламат
4	4 Эсанаб	17	4 Ак'баль	30	4 Ламат	43	4 Бен
5	5 Ак'баль	18	5 Ламат	31	5 Бен	44	5 Эсанаб
6	6 Ламат	19	6 Бен	32	6 Эсанаб	45	6 Ак'баль
7	7 Бен	20	7 Эсанаб	33	7 Ак'баль	46	7 Ламат
8	8 Эсанаб	21	8 Ак'баль	34	8 Ламат	47	8 Бен
9	9 Ак'баль	22	9 Ламат	35	9 Бен	48	9 Эсанаб
10	10 Ламат	23	10 Бен	36	10 Эсанаб	49	10 Ак'баль
11	11 Бен	24	11 Эсанаб	37	11 Ак'баль	50	11 Ламат
12	12 Эсанаб	25	12 Ак'баль	38	12 Ламат	51	12 Бен
13	13 Ак'баль	26	13 Ламат	39	13 Бен	52	13 Эсанаб

Примечание. Указано название дня и число недели, с которого начинается год (названия даны по древнему календарю; у Ланда им соответствуют К'ан, Мулук, Иш, Кавак).

сления у майя была двадцатиричной, поэтому не исключено, что в качестве длины месяца была взята чисто математическая единица счета (название 20-дневного месяца — *виналь* — этимологически связано со словами «двадцать» и «человек»; в древности майя, чтобы сказать «двадцать», говорили «один человек», по числу пальцев на руках и ногах). У тольтеков, которые пользовались таким же календарем, как и майя, через каждые 20 дней устраивались ярмарки. 13-дневная неделя скорее всего жреческого происхождения, так как 13 у майя священное число (в частности, было 13 небес, 13 небесных богов и, возможно, 13 знаков зодиака).

Названия двадцати дней весьма тесно связаны со жреческой астрологией, потому что каждому дню соответствовало много разных примет (что, впрочем, еще не доказывает жреческого происхождения названий дней). Следует отметить, что названия дней в основном совпадают в пределах всей языковой семьи майя, а названия дней у сапотек и ацтеков во многих случаях — перевод названий майя.

Установить значение названий дней очень трудно, так как эти названия — слова древнего языка, часть их вышла из употребления задолго до испанского завоевания. Еще труднее установить чтение иероглифов, обозначающих дни. В некоторых случаях чтение иероглифа явно не соответствует традиционному названию дня. Некоторые иероглифы, обозначающие дни, либо совсем не встречаются в рукописях майя в другом значении, либо принадлежат к числу очень редких. При-

водим приблизительное толкование названий дней и приметы по книге Чилам Балам из К'ава.

Имиш — это слово встречается в текстах майя только как эпитет «мирового дерева» (*имиш яш-че*), значение его не ясно (по Ройсу, может обозначать «изобилие»). Знак дня — идеограмма, изображающая скорее всего дождевую тучу. По жреческой астрологии, атрибут дня — кукуруза (*ишим*). Ребенок, родившийся в этот день, будет дурным, распутным и бесчестным человеком.

Ик' — «ветер», «дух». День обозначается фонетическим знаком (который изображает гроздь или плод, *ик, ич*). Атрибут дня — ветры и цветок *никте* (символ чувственности). Родившийся в этот день будет непостоянным и сладострастным.

Ак'баль — это слово в текстах майя не встречается. Большинство исследователей толкуют его как производное от *ак'аб* — «ночь», «тьма». Более вероятно, однако, считать, что *ак'баль* — производное от *ак* — «дождевая вода». День обозначается идеограммой, изображающей, по-видимому, дождевую воду (*ак*). Атрибут дня — *Налам* — «оленок» (по Томпсону, следует читать *балам* — «ягуар»). Родившийся в этот день будет бедняком, плебеем.

К'ан — «спелая кукуруза» (может означать также «самка игуаны»; ацтекское название дня — «ящерица»). День обозначается фонетическим знаком, изображающим раковину (*к'ан*). Покровительница дня — богиня кукурузы Иш К'ан, атрибут — «красное мировое дерево» (*чак имиш-че*). Родившийся в этот день будет мудрым.

Чикчан — непонятное слово, возможно, означает «большая змея» (*чик* — «большой»; *чан* — в некоторых диалектах майя — «змея»). День обозначается фонетическим знаком *чан*. Атрибут дня — погремушка гремучей змеи. Родившийся в этот день будет иметь «огненный дух» и дурную судьбу.

Кими — «смерть». День обозначается фонетическим знаком (изображающим челюсть, *кам*). Атрибут дня — филин. Родившийся в этот день будет убийцей с очень плохой судьбой.

Маник' — непонятное слово. Древнее название дня бесспорно было *кех* — «олень» (в древнейшем произношении *че*). Название *маник*, по-видимому, сильно искаженное слово языка нахуа, означающее «олень» (у ацтеков этот день называется *масатл* — «олень»). День обозначается фонетическим знаком *че* (изображение сжатой кисти руки). Атрибуты дня — зеленый попугай и какао. Родившегося в этот день ждет дурная судьба («окровавленные руки»).

Ламат — непонятное слово, может быть производное от корня *лем* «блестеть», «сверкать». Знак дня напоминает идеограмму планеты Венеры и ацтекскую идеограмму «золото». Атрибут дня — собака с голо-

вой ягуара. Родившийся в этот день будет пьяницей, болтуном и сеятелем раздоров.

Мулук — непонятное слово, может быть производное от корня *муль* — «погружаться в воду» (Баррера Васкес). Знак дня принадлежит к числу очень редких (изображает, по-видимому, каплю воды, *тах*). Атрибуты дня — акула и ягуар. Родившийся в этот день будет богатым, притеснителем детей и жен.

Ок — непонятное слово. Знак дня — фонетический (изображает уши животного). Атрибут дня — попугай. Родившийся в этот день будет прелюбодеем, беззаконником и болтуном.

Чуэн — непонятное слово, многие исследователи сопоставляют его с *чуэн* — «мастер», «ремесленник». День обозначается фонетическим знаком (изображение раскрытого рта с зубами, *чи*, *ко*). Родившийся в этот день будет ткачом, плотником, ремесленником, очень богатым, разумным.

Эб — вероятно, вариант слова *йееб* — «мелкий дождь», «туман». Иероглиф дня — идеограмма, изображающая лицо в профиль с вписанным знаком мелкого дождя (*йееб*) справа. Родившийся в этот день будет богатым, щедрым, хорошим человеком.

Бен — непонятное слово. День обозначается знаком, изображающим хижину (фонетически читается *бен*). Родившийся в этот день будет нищим, плебеем.

Иш — непонятное слово; в одном из диалектов (кекчи) значит «ягуар». День обозначается фонетическим знаком (изображающим, вероятно, жидкость, *иш*). Атрибут дня — ягуар. Родившийся в этот день будет пожирателем мяса и убийцей («окровавленные руки»).

Мен — непонятное слово, может означать «делать», «строить» (или «строитель»). День обозначается фонетическим знаком *мен*. Родившийся в этот день будет весельчаком, мастером делать и говорить.

Киб — «воск». Знак дня — сложная идеограмма, очень редко встречающаяся (фонетически читается, вероятно, *киб* или *чиб*). Родившийся в этот день будет храбрым, охотником, вором, убийцей, с плохой судьбой.

Кабан — «землетрясение». *Каб* — «земля», *ан* — «шум», «гул» (ацтекское название дня — *Оллин* — «землетрясение»). День обозначается фонетическим знаком *каб* (изображающим льющуюся жидкость, *каб*). Атрибут дня — дятел. Родившийся в этот день будет заботливым, справедливым.

Эсанаб — непонятное слово, вероятно означающее «кремневый нож» или «наконечник копья» (*наб* значит «копье»). День обозначается знаком, изображающим наконечник копья (фонетически читается, вероятно, *ток*). Родившийся в этот день будет храбрым, здоровым, делающим кремневые ножи, лекарем.

Кавак — «буря», дождь». День обозначается сложной идеограммой бури (как фонетический знак читается *ку*). Атрибуты дня — кецаль и какао. Родившийся в этот день будет задумчивым, знатным.

Ахау — «владыка». День обозначается знаком, изображающим, по-видимому, сарбакан (выдувная трубка, из которой стреляют глиняными шариками). Атрибут дня — орел. Родившийся в этот день будет богатым, храбрым, разумным, притеснителем маленьких.

Ланда приводит последовательно для целого года числа и названия дней, названия и иероглифы месяцев и описания праздников. 1 января приходится на воскресенье. Это показывает, что запись Ланда была сделана в 1553 г.

Ланда, Пио Перес и книга Чилам Балам из Чумайеля дают одинаковые даты начала и конца каждого месяца. Санчес де Агиляр, явно в связи с високосным годом, дает даты начала месяцев Поп и следующих, до месяца Моль включительно, днем позже. Тем не менее следующий за месяцем Моль месяц Чен у него начинается, как и у предыдущих авторов, 23 декабря. Когольодо дает ту же дату для начала месяца Чен, хотя предыдущие месяцы у него, как и у Санчеса де Агиляра, начинаются позже, чем у Ланда. Из этого можно сделать вывод, что начало месяца Чен согласовывалось у майя с зимним солнцестоянием.

Календарь майя во времена испанского завоевания начинался с месяца Поп, 16 июля. По предположению Жене, в древности первым месяцем был не Поп, а Иш-к'ин, так как ему предшествует месяц Шуль (что значит «конец»), в последних числах которого справлялись праздники, напоминающие праздники 5 «дней без имени». В Чиапасе начало месяца Яш-к'ин приходилось, по Нуньесу де ля Вега, на христианский праздник Рождества или, что то же самое, на зимнее солнцестояние. Отсюда понятен смысл названия «Яш-к'ин» — «новое солнце», так как с этого времени дни начинают увеличиваться. При этом следует отметить, что название «Яш-к'ин» встречается в пяти языках майя, тогда как «Поп» — только в Юкатане.

Если предположить, что в древнем календаре месяц Яш-к'ин начинался не 13 ноября, а 23 декабря, в день зимнего солнцестояния (на месте месяца Чен), то легко можно объяснить названия многих месяцев и расхождение между названиями месяцев во времена испанского завоевания (записанными у Ланда испанскими буквами) и древними названиями (записанными иероглифами). Кроме того, при таком пересчете названиям месяцев будут соответствовать некоторые приметы, указанные в книге Чилам Балам из Чумайеля.

Названия месяцев пытались толковать многие исследователи, однако они внесли мало нового по сравнению с первым комментатором — Пио Пересом. Последние по времени комментарии Томпсона (1950)

отличаются особой фантастичностью, так как он исходил из предположения, что названия месяцев религиозного происхождения, а иероглифы месяцев — сплошь идеограммы.

Ниже приводится приблизительное толкование названий месяцев и даты начала и конца месяцев по Ланда (в скобках) и по предполагаемому древнему календарю.

Яш-к'ин (13 XI — 2 XII) — «новое солнце» (т.е. начало увеличения дней). Второе название — *Ц'е-яш-к'ин* — «не настоящее новое солнце» (*це* — префикс неполноценности, подобный русскому *па-* в словах «пасынок», «паводок»). Оно возникло, очевидно, в связи со смещением начала месяца, которое уже не приходилось на зимнее солнцестояние. Древнее название записано двумя идеограммами и фонетическим знаком, которые читаются *яшк'иниль*. В древнем календаре месяц приходился на 23 XII — 11 I.

Моль (3 XII — 22 XII) — «сбор» (т.е. уборка кукурузы). Древнее название записано очень редким иероглифом, который читается, по видимому, также *моль*. В древнем календаре месяц приходился на 12 I — 31 I, когда был в разгаре сбор поздней кукурузы. По замечанию книги Чилам Балам из Чумайеля, «время хорошо для сбора початков кукурузы»; замечание относится к месяцу Яш, который в новом календаре приходился на 12 I — 31 I.

Чен (23 XII — 11 I) — «колодец». Древнее название у Ланда написано иными иероглифами, чем в рукописях маяя (у Ланда идеограмма со звуковым подтверждением и ключевой знак, читается *чен* или *ичин*). В древнем календаре месяц приходился на 1 II — 20 II. Название «колодец» объясняется тем, что в это время стоит засуха. По словам Ланда (стр. 100), «к концу января и в феврале бывает короткое лето с палящим солнцем, дождь не идет в это время, кроме как в новолуние». Ср. ацтекский месяц *Атльковалко* — «нужда в воде» (12 II — 3 III).

Яш (12 I — 31 I) — «новый». Древнее название записано идеограммой, ключевым знаком и фонетическим знаком; читается *яшиль*. В древнем календаре месяц приходился на 21 II — 12 III. Название не совсем ясно, но, по видимому, объясняется тем, что в этом месяце справлялся праздник обновления храма Чаков, богов земледелия (в связи с подготовкой новых полей, расчищенных от леса).

Сак (1 II — 20 II) — «белый». Древнее название записано идеограммой с ключевым знаком, читается *сак*. В древнем календаре месяц приходился на 13 III — 1 IV. Название следует истолковать скорее всего как «месяц сухих стеблей кукурузы» (поле с оставшимися сухими стеблями после сбора початков называлось *сакаб*). По книге Чилам Балам из Чумайеля, в месяце Сак цветут белые цветы (вероятно, народная этимология, появившаяся после смещения начала месяца).

Кех (21 II — 12 III) — «олень». Это название возникло в связи с началом охотничьего сезона (в предыдущем месяце Сак справляется праздник в честь богов охоты, после которого разрешается проливать кровь на охоте). Древнее название записано идеограммой, ключевым знаком и фонетическим знаком, читается *тоокиль* или *чакиль*, что значит «сожжение» или «красный». В древнем календаре месяц приходился на 2 IV — 21 IV. В это время происходило выжигание полей (*тоок*).

Мак (13 III — 1 IV) — «накрывание» (вероятно, в смысле «тушение»). Древнее название, написанное двумя фонетическими знаками, читается также *мак*. В древнем календаре месяц приходился на 22 IV — 11 V. В этом месяце заканчивали выжигание полей, справляли праздник «Тушения огня» (*тун как*) и молились о дожде для посевов. По замечанию книги Чилам Балам из Чумайеля, в это время «кольцо вокруг солнца в небесах» (т.е., очевидно, солнце видно сквозь дым костров при выжигании полей). Замечание относится к месяцу Муан, который, по новому календарю, приходился на 22 IV — 11 V.

К'ан-к'ин (2 IV — 21 IV) — «желтое солнце». Название возникло потому, что во время выжигания участков солнце сквозь дым кажется желтым (Пио Перес). Иероглифы древнего названия написаны у Ланда крайне неясно, хотя можно разобрать контуры фонетических знаков *ц* и *н*. *Цун* на диалекте цельталь значит «посев» (Томпсон). Слева написана идеограмма солнца (*кин*). Может быть, имелось в виду написать иероглифами оба названия — древнее *цан* или *цун* и новое *кан-кин*. По древнему календарю месяц приходился на 12 V — 31 V; в это время делался посев.

Муан (22 IV — 11 V) — «облачный» (или «дождливый»). Древнее название записано знаком, изображающим голову совы (*муан*). По древнему календарю месяц приходился на 1 VI — 20 VI — начало сезона дождей.

Паш (12 V — 31 V) — «барабан» (или «музыкальный инструмент»). Древнее название, написанное иероглифами, читается *тун*, что значит «звук», «шум» (*тун-куль* — «барабан»). По древнему календарю месяц приходился на 21 VI — 10 VII. Название объясняется, вероятно, тем, что в это время приходилось шумом отпугивать птиц от молодых всходов на полях, или же тем, что в этом месяце справлялся военный праздник.

К'айяб (1 VI — 20 VI) — название не ясно, но, по-видимому, означает «большой дождь» (*ка-йееб*); в это время начинается сезон дождей. Древнее название записано двумя фонетическими знаками и читается *аак'аан*. *Аак'* значит «свежий» (о зерне); таким образом, древнее название означает, по-видимому, «месяц молодых зерен кукурузы». Слева от древнего названия фонетическим знаком и идеограммой записано новое название — *ка-йееб*. По древнему календарю месяц приходился на

11 VII — 30 VII. В это время начинали созревать скороспелые сорта кукурузы.

Кумху (20 VI — 10 VII), второй вариант *Кумку* — «шум грозы». Это название, по Пио Пересу, объясняется тем, что в начале сезона дождей от ударов грома непрекращающихся отдаленных гроз слышится сильный грохот, «наподобие канонады». Древнее название, записанное фонетическими знаками, читается *кум-кун*, что также означает «отдаленный шум». По древнему календарю месяц приходился на 31 VII — 20 VIII — разгар сезона дождей.

Поп (16 VII — 4 VIII) — «циновка» (символ власти). Название объясняется, по-видимому, тем, что в новом календаре этот месяц был первым в году. Древнее название записано уникальным иероглифом с вписанным ключевым знаком и читается, вероятно, *ч'акаан*, т.е. «месяц рубки деревьев» (*ч'ак* — «рубка»). По древнему календарю месяц приходился на 20 VIII — 8 IX. В это время начинали рубку деревьев в лесу для расчистки новых полей.

Уо (5 VIII — 24 VIII) — «лягушка» (название, вероятно, связано с продолжающимися дождями). Древнее название записано идеограммой и фонетическим знаком, чтение его не ясно (приблизительно *эк-ча*; *эк* значит «черный», *ча* может означать «скрещивать», «удваивать»). Возможно, что древнее название означает «месяц сгибания початков черной кукурузы». По древнему календарю месяц приходился на 9 IX — 28 IX. В это время производилось сгибание початков ранних сортов кукурузы.

Сип (25 VIII — 13 IX) — имя бога охоты. В этом месяце справлялся праздник в честь богов охоты и начинался охотничий сезон. Древнее название аналогично предыдущему и приблизительно может быть прочтено *чак-ча* (или *тоок-ча*); *чак* (*тоок*) значит «красный», а также «большой». Название может означать «месяц сгибания початков красной кукурузы». По древнему календарю месяц приходился на 29 IX — 18 X. В это время производилось сгибание початков поздних сортов кукурузы.

Соц (14 IX — 3 X) — «летучая мышь». Древнее название записано иероглифом, который также читается *соц*. На диалекте чоль *социл* означает «зима», «короткие дни» (Томпсон). По древнему календарю месяц приходился на 19 X — 7 XI.

Цек (4 X — 23 X) — вариант *Сек*. Название комментаторами не истолковано; по-видимому, оно означает «сбор ранней кукурузы» (*сеек* значит «собирать по зернышку»). Древнее название неполно записано у Ланда двумя фонетическими знаками и читается *Се(к)аан* (полное написание встречается в рукописях майя). По древнему календарю месяц приходился на 8 XI — 27 XI. В это время происходила уборка ранних сортов кукурузы (с мелкими початками). По замечанию книги Чилам Балам из Чумайеля, в это время «сгибают стебли кукурузы» (замечание

относится к месяцу Яш-к'ин, который по новому календарю приходился на 13 XI — 2 XII). Это, по-видимому, следует отнести за счет каких-то местных особенностей, так как, по Баррера Васкесу, сгибание происходит в октябре.

Шуль (24 X — 12 XI) — «конец». Древнее название записано двумя фонетическими знаками и читается также *шуль*. По древнему календарю месяц приходился на 28 XI — 17 XII и был последним в году. До зимнего солнцестояния оставалось 5 «дней без имени».

Хотя некоторые приведенные чтения и этимологии возбуждают сомнения, в целом можно считать несомненным точное соответствие большинства древних названий месяцев сезонам земледельческих работ, если считать началом месяца Яш-к'ин — день зимнего солнцестояния.

Касаясь всего 52-летнего цикла в целом, следует отметить, что в дошедшем до нас виде он определенно является результатом точных математических расчетов. Из этого, однако, никак не следует, что само циклическое летосчисление — результат творчества жрецов-астрономов и математиков. Есть все основания считать, что древнейшим циклом у майя был 4-летний. Об этом свидетельствуют связанные с ним многочисленные обряды и мифологические персонажи. По представлениям майя, было четыре главных бога (Хобниль, Кан Цик Наль, Сак-Кими, Хосан-Эк'), каждый из которых правил миром в течение года, а затем уступал власть преемнику. В связи с праздниками 4-летнего цикла жители селений выбирали себе «князя», обязанностью которого было выполнение новогоднего ритуала. Кроме того, с 4-летним циклом связаны выборы «военачальника» — накона, который занимался военным ритуалом (по словам Ланда, након избирался на три года; это следует, по-видимому, понимать в том смысле, что его переизбирали через три года, на четвертый год). Эти обычаи — пережитки родового строя, когда вождь и военачальник действительно были выборными. Представление о богах, сменяющих ежегодно друг друга у власти, нельзя понять иначе, как отражение в мифологии древнего реального социального института. Речь идет о смене правления по родам, характерной для перехода от родоплеменной организации к государству и известной у многих народов Азии и Африки. На следующем этапе обычно наблюдается тенденция удлинить срок правления. Выделяются династические роды, узурпирующие власть, хотя при этом обычно сохраняется традиция периодической передачи власти, но уже не от одного рода к другому, а внутри одного правящего рода.

Таким образом, циклическое летосчисление возникает как естественный результат смены правления по родам, а количество лет в цикле определяется не прихотью жрецов, а количеством родов в племени (или во фратрии, если должности дублируются). Например, наиболее

широко распространенный в Азии 12-летний цикл восходит к гуннам, у которых было традиционное деление на 24 «племена» (т.е. первоначально рода, по 12 родов во фратрии; должности при этом дублировались). Следует отметить, что у майя были еще некоторые пережитки традиции смены правления, кроме указанных выше, но они приурочены уже к более долгим циклам. Так, по книге Чилам Балам из Чумайеля, раз в «двадцатилетие» (к'атун) все батабы (начальники селений) должны были являться к правителю (халач виник), чтобы получить подтверждение своих полномочий. У тольтеков, которые пользовались заимствованным у майя календарем, считалось, что правитель не должен править дольше 52 лет (т.е. одного «календарного круга»).

Институт смены правления, наряду с потребностями земледелия, был мощным толчком к развитию календаря с точным счетом дней, так как возможность продлить или сократить хотя бы на небольшой срок полномочия была далеко не безразлична при борьбе за власть (известно, например, что в Древнем Риме жрецы пользовались для политических целей своим правом регулировать календарь). Очевидно, именно в это время закладываются основы жреческого календаря майя с точным счетом дней. Попутно можно указать, что к этому же времени, видимо, относится и начало астрологии (так как, зная заранее, кто будет править в предстоящие годы, можно было строить различные предположения о грядущих событиях). В дальнейшем, когда древние социальные институты отошли в область мифологии, оформилась мистическая жреческая астрология, основанная на эзотерических учениях о богах. Нужно, конечно, всячески подчеркнуть, что смена правления не является единственной причиной возникновения циклического летосчисления и сама должна рассматриваться как элемент целой системы взаимно связанных социальных институтов. Однако подробное рассмотрение всех этих проблем требует специального изучения.

Кроме циклического летосчисления майя пользовались также летосчислением по эре, указывая количество дней, прошедших от начальной даты. Количество дней считалось с помощью следующих периодов времени:

К'ин = 1 день

Виналь = 20 кин = 20 дней

Тун = 18 виналь = 360 дней (около 1 года)

К'атун = 20 тун = 7200 дней (около 20 лет)

Бак'тун = 20 к'атун = 144 000 дней (около 400 лет)

Пиктун = 20 бак'тун = 2 880 000 дней (около 8000 лет)

Калабтун = 20 пиктун = 57 600 000 дней (около 160 000 лет)

К'инчильтун = 20 калабтун = 1 152 000 000 дней (около 3 200 000 лет)

Алаутун = 20 к'инчильтун = 23 040 000 000 дней (около 64 000 000 лет).

Летосчисление по эре велось от начальной даты 4 Ахау 8 Кумху, соответствующей (по пересчету Томпсона) 3113 г. до н.э. Эта дата не самая ранняя из встречающихся в иероглифических текстах майя. Считалось, что до нее прошло 13 бак'тунов. Неизвестно, что, собственно, обозначает эта дата (может быть, конец последнего потопа, которых, по космогоническим представлениям майя, было несколько). Вначале, когда возникло летосчисление по эре, высшей единицей счета был бак'тун. В дальнейшем, по мере развития астрономических и математических знаний, жрецы отодвинули легендарные космогонические события на миллионы лет назад.

Чтобы датировать события, майя указывали число дней, прошедших от начальной даты, а в конце писали еще дату 52-летнего цикла. Например, наиболее ранняя из известных дат майя (Лейденская пластинка) выглядит таким образом: 8 бак'тун 14 к'атун 3 тун 1 виналь 12 к'ин 12 Эб 0 Яш-к'ин. Это означает, что от начальной даты 4 Ахау 8 Кумху прошло $8 \times 144\,000 \div 14 \times 7200 \div 3 \times 360 \div 1 \times 20 \div 12 \times 1 = 1\,253\,912$ дней, причем по циклическому счету (по которому дана и начальная дата) было 12-е число 13-дневной недели, день Эб, 0-е число месяца Яш-к'ин. Для сокращения эту дату сейчас принято записывать следующим образом: 8.14.3.1.12 12 Эб 0 Яш-к'ин. В последние века перед испанским завоеванием майя перешли от этого так называемого «длинного счета» к упрощенному «короткому счету» по к'атунам — «двадцатилетиям». Каждый к'атун обозначается названием и числом его последнего дня. Например, к'атун 8 Ахау обозначает такой 7200-дневный период, последний день которого называется Ахау и приходится на 8-е число 13-дневной недели. Так как счет к'атунов ведется со дня Ахау (начальная дата), то очевидно, что каждый к'атун кончается тоже днем Ахау (7200 делится на 20 без остатка) с различными числами 13-дневной недели от 1 до 13. Число недели, приходящееся на последний день данного к'атуна, всегда на 2 меньше, чем у предыдущего (потому что при делении 7200 на 13 в остатке 2). К'атун, последний день которого выйдет с тем же числом недели, повторяется через $7200 \times 13 = 93\,600$ дней (около 256 лет). Порядок смены к'атунов, как показано у Ланда, следующий: 11 Ахау — 9 Ахау — 7 Ахау — 5 Ахау — 3 Ахау — 1 Ахау — 12 Ахау — 10 Ахау — 8 Ахау — 6 Ахау — 4 Ахау — 2 Ахау — 13 Ахау. Далее должен опять идти 11 Ахау («возвращение к'атунов»). Хроники майя пользуются исключительно этим способом для обозначения дат.

Вторая половина главы XLI посвящена описанию системы письма древних майя. Хотя о письменности майя упоминают очень многие испанские авторы (Ангиера, Понсе, Агиляр, Авенданьо, Медель, Когольюдо, Вильягутьерре и др.), сведения их настолько кратки, что ничего не добавляют к описанию Ланда.

Древняя письменность майя была полностью забыта вскоре после испанского завоевания благодаря варварской деятельности франсисканских монахов и в первую очередь самого Диэго де Ланда. Когда иероглифические рукописи погибли на кострах испанской инквизиции, а «языческие» жрецы были физически истреблены, знатоков древней письменности больше не осталось. В какой-то мере представление об иероглифах сохранилось вплоть до XVIII в., так как в книгах Чилам Балам приводятся знаки дней и месяцев (рис. 12–13), но знаки эти искажены до неузнаваемости и часто перепутаны.

Письменность майя, подобно древневосточным системам письма, пришлось расшифровывать заново. Первые попытки расшифровки относятся к середине XIX в., когда Кингсборо опубликовал Дрезденскую иероглифическую рукопись. К этому времени путешественники (Дюпе, Стефенс) обнаружили иероглифические надписи на камне в развалинах древних городов майя. Позже были опубликованы еще Парижская и Мадридская рукописи. После опубликования работы Ланда приведенный у него список иероглифов майя, имеющих звуковое значение (так называемый «алфавит Ланда»), послужил предметом нескончаемой полемики. Вся история расшифровки письменности майя — яркий пример беспомощности современной буржуазной науки. Первые исследователи XIX в. (Брассёр де Бурбур, Рони, Шарансей, Лё-Плонжон, Крессон, Боллерт, Томас, Пусс, де Ларошфуко) пытались применить «алфавит Ланда» к чтению иероглифических текстов. Хотя они исходили из принципиально неверного предположения о чисто звуковом характере письменности майя, некоторым из них все же удалось наряду с множеством абсурдных толкований правильно прочесть отдельные слова в рукописях. Например, Томас правильно прочел слова *куц* — «индюк», *ле* — «силок», *моо* — «попугай», *к'ук'* — «кецаль». Тем не менее неверный принцип чтения и порочные методологические установки предопределили безуспешность попыток расшифровки. В большинстве случаев эти авторы полагали, что майя были связаны через Атлантиду с народами Древнего Востока, и искали прямые аналогии между письменами майя и египетскими и даже греческими. В дальнейшем буржуазные ученые отказались от попыток фонетического чтения иероглифов, признали «алфавит Ланда» плодом недоразумения и приняли тезис об идеографическом характере письменности майя. Это направление возникло в результате засилья реакционных школ, которые стали безраздельно господствовать в буржуазной науке с конца XIX в. При таком подходе расшифровать письменность майя было теоретически невозможно. Зелер, исходя из тезиса об идеографическом характере письма у майя, «опроверг» правильные и неправильные чтения Томаса, и дело расшифровки прочно зашло в тупик. После того как Фёрстеманн установил прин-

цип написания чисел у майя и доказал наличие календарно-астрономических знаков в иероглифических рукописях, расшифровщики полностью переключились на изучение календаря. Это направление, лидерами которого являются Морли и Томпсон, подменяющее изучение письменности майя изучением календаря, господствует до настоящего времени в зарубежной американистике.

Следует отметить, что попытки расшифровки велись очень небрежно и на крайне низком теоретическом уровне. Например, попытка составить каталог знаков (с чего, казалось бы, следовало начинать) впервые была сделана только в 1931 г. (Гэйтс), притом явно неудачно (перепутаны сложные и простые знаки, разные знаки сочтены вариантами одного, и, наоборот, варианты одного сочтены разными знаками). В качестве примера фонетического знака во всех работах, от самых ранних до самых последних, неизменно фигурирует знак солнца (*к'ин*), встречающийся в написании слов *яш-к'ин* («новое солнце», название месяца), *чи-к'ин* («закат солнца», «запад») и так далее, хотя этот знак является типичной идеограммой, что ясно уже при самом поверхностном ознакомлении с любой иероглификой. Поэтому неудивительно, что попытки фонетического чтения (последнюю сделал Ворф в 1941 г.) оказались безуспешными, а алфавит Ланда — «опровергнутым». Томпсон в своей последней работе «Иероглифическая письменность майя» (1950) пишет: «Вообще нет также сомнения, что Ланда ошибся в попытке извлечь алфавит майя у своего осведомителя. Символы майя обычно обозначают слова, изредка, может быть, слоги сложных слов, но никогда, насколько известно, не буквы алфавита» (стр. 46). По-видимому, лидерам американских расшифровщиков придется удовольствоваться лаврами Афанасия Кирхера, который тем же методом и с таким же успехом читал в XVII в. египетские иероглифические тексты. Из крупных знатоков майя только Тоззер справедливо считал вопрос о характере письменности майя далеко не выясненным (1941, 169).

Диэго де Ланда приводит список 27 знаков (еще 3 знака встречаются в примерах написания слов), соответствующих, как он утверждает, буквам испанского алфавита. Приведенные знаки идут в основном в порядке испанского алфавита, но с рядом отклонений, как это видно из следующего сопоставления.

Испанский алфавит:	a	—	—	b	—	c	ç	ch	d	e	f	g	h	i	ï	—	k	l	—
Алфавит Ланда:	a	a	a	b	b	c	—	t	—	e	—	—	h	i	—	ca	k	l	l
Испанский алфавит:	ll	m	n	n	o	—	p	—	q	—	r	s	—	t	u	v	x	y	z
Алфавит Ланда:	—	m	n	—	o	o	p	pp	cu	ku	—	x	x	—	u	u	—	—	z

Отсутствие в «алфавите Ланда» букв *d, f, g, ll, ñ, r* объясняется тем, что соответствующих знаков не было в языке майя (табл. 4). Это же относится и к букве *j*, которая в XVI в. произносилась *дж*. Отсутствие букв *ç* и *у* можно объяснить их неустойчивостью в испанской орфографии XVI в. Что касается остальных букв, то «алфавит Ланда» имеет следующие особенности:

а — передано тремя знаками. Первый знак обозначает долгое *a*, но употребляется в качестве слогового знака *aak* (*aak'*) и встречается очень редко (в словах *aak'ul*, *aak'aan*, *aak'nak*, производных от корня *aak'* — «свежий», «новый»). Второй и третий знаки передают краткое *a* и тоже принадлежат к числу очень редких. Третий знак, по-видимому, мог употребляться в качестве местоименного префикса 2-го лица. Первый знак изображает голову черепахи (*aak*), второй знак — мужской орган (*ач*), третий знак — лист (*ак?*).

б — передано двумя знаками. Первый встречается в сочетаниях всего дважды и, по-видимому, является идеограммой слова *бе* — «дорога» (он изображает след ноги). Второй знак не имеет прямых аналогий в рукописях. Возможно, он является вариантом знака дня Ламат (который назывался также Лам-бат).

с — передано сложным знаком, который читается как *z* «традиционного алфавита». Вероятно, знак приведен на название буквы (*се*), а не на ее произношение (двойное в испанском), или же имелась в виду буква *ç* (которая могла заменять *z* в «традиционном алфавите»). Знак изображает, вероятно, голову животного, заключенную в фигурный овал, причем вместо глаза вписан фонетический знак.

ch — не дано у Ланда, хотя это очень распространенный звук в языке майя. На месте этой буквы стоит *t*, переданное знаком, который обычно употребляется как идеограмма красного цвета (*чак*). Звуки *t* и *ч* обычно чередуются в языке майя, и этот знак действительно мог иметь фонетическое значение *t* (например в слове *та-к'ах* — «брат»). Знак изображает костер, очаг (ср. *ток* — «жечь», *чак* — «печь», *чук* — «пылающие угли»). Звук *ч* обычно передается в рукописях фонетическим знаком, изображающим сжатую кисть руки (ср. *кеп* — «сжимать пальцами»), который Ланда приводит в качестве иероглифа дня Маник?

е — передано знаком, который употребляется изредка для обозначения краткого *e* (в словах *че* — «дерево», *ле* — «силок»). Знак изображает, вероятно, гнездо с яйцами (*e* — «яйца птиц» или «мелкие камни»).

h — передано знаком, который читается *ч* (*ч'*). Вероятно, он приведен на название буквы (*hache*), а не на ее произношение. Знак изображает агаву (*челен*). У Ланда он встречается в двух вариантах написания; в рукописях его форма тоже варьируется.

i — передано знаком, который употребляется очень редко, в качестве и алфавитного, и слогового (*ич*). Знак изображает водоем (ср. *ичин* — «купаться», *чен* — «колодец»).

k — передано двумя знаками соответственно двум вариантам этого звука в языке майя. Первый знак употребляется и как слоговой, и как алфавитный и довольно часто встречается в качестве глагольного суффикса. Второй знак передает *k'* с гортанным взрывом и тоже встречается и как алфавитный, и как слоговой (см. третий пример написания слов у Ланда). Первый знак изображает оборванные стебли травы (ср. *ка* — «сбивать траву», «полоть», *каак* — «обрывать листья»). Второй знак изображает кулак (ср. *k'ab* — «рука», *k'on* — «ударить кулаком») с вписанным дополнительным значком. Значок понадобился, чтобы различить два варианта знака кулака (второй вариант, с иным дополнительным значком, читается *чук* и употребляется в написании имени бога Чак).

l — передано двумя знаками, которые читаются, по-видимому, одинаково. Первый знак в нескольких случаях употребляется в качестве глагольного суффикса. Второй знак чаще передает согласную корня, но тоже может входить в состав сложных глагольных суффиксов. Смысл знаков не ясен (может быть, они изображают тыквенный сосуд, *лак*, и лист, *лее*).

m — передано знаком, который встречается всего в нескольких сочетаниях и, по-видимому, может обозначать слог *мач* (*нач*, *нак*). Знак изображает тыльную сторону кисти руки (ср. *моч'* — «пальцы», *мач* — «брать рукой», «схватывать»). Звук *m* обычно передается в рукописях другим знаком (см. написание слов *улум* — «индюк», *мут* — «тотем»).

n — передано знаком, который, кажется, всегда обозначает слог *нок* (*нок*) и обычно встречается в написании слова *ц'анукул* — «символ», «эмблема». Знак изображает, по-видимому, червя (*нок'*).

o — передано двумя знаками, очень редко встречающимися; оба, по-видимому, обозначают краткое *о*. Первый знак изображает, вероятно, шелушение початка кукурузы (ср. *ош* — «шелушенная кукуруза», *ошом* — «шелушить кукурузу»). Смысл второго знака не ясен.

p — передано знаком, обозначающим слог *пак*. Знак принадлежит к числу редких и встречается почти исключительно в разделе о принесении жертв (*пак-у-ках кеч*) в начале Дрезденской рукописи. Знак изображает, по-видимому, голову собаки (*пек'*) с дополнительным знаком копья (вероятно, для того чтобы отличить от домашней собаки — *цул*).

pp — передано знаком, который встречается почти исключительно в имени бога войны (бог *F*, по Шелльхасу). Вероятно, он обозначал слог *n'ak'* (ср. имя бога войны Пак'-ок). Знак изображает лицо в профиль с вписанным другим знаком (черты и точки), который встречается и самостоятельно и имеет фонетическое значение *пок'* (*пак*).

q — отсутствует у Ланда. На его месте стоят два слоговых знака, соответственно названию буквы (*cu*). Транскрипция Ланда соответствует «традиционному алфавиту». Первый знак употребляется не только как фонетический, но и как идеограмма дня Кавак. Второй знак принадлежит к числу редких (встречается в словах *к'ук'* — «кецаль», *к'уч* — «гриф»). Первый знак сложный (может быть, изображает дождь, бурю). Смысл второго знака не ясен (может быть, «тесто», кукуруза, размоченная в известковой воде, — *к'уум*).

s — отсутствует у Ланда (в XVI в. произносилось *з*). На его месте стоят два знака *x* (произносилось *ш*). Первый знак обозначает перевернутое *c* «традиционного алфавита» (*ц'*) и встречается главным образом в написании слова *ц'анук(ул)* — «символ». Второй знак обозначает слог *шиб* (в частности, в именах богов Чак Шиб Чак, Сак Шиб Чак и т.д.). Первый знак изображает раскрытую ладонь (ср. *ц'a* — «давать»). Смысл второго знака неясен.

u — передано знаком, который употребляется очень часто, обычно в качестве местоименного префикса 3-го лица. Знак изображает, по-видимому, сосуд (черпак, *y*).

v — заменено у Ланда вторым *и* (эти буквы постоянно чередуются в испанской орфографии XVI в.). Знак принадлежит к числу очень редких и, может быть, обозначает слог *ва*. Знак изображает, по-видимому, льющуюся воду (ср. *век* — «лить», «выливать»).

z — передано знаком, который в рукописях обычно обозначает слог *су* и употребляется при написании каузативного глагольного суффикса *сах* (в слове *чук-сах* — «схватить»). Знак изображает сосуд с жидкостью или кушаньем (ср. *са* — «каша из кукурузы», *сулеб* — «сосуд»).

В примерах написания слов Ланда приводит еще три фонетических знака:

ha — (второй пример) передано знаком, который употребляется очень часто, обычно для выражения глагольного суффикса *ах*. Знак изображает, по-видимому, падающие капли (ср. *хаа* — «дождь», «дождевая вода»).

ma — (третий пример) передано знаком, который иногда выражает глагольный суффикс *-ма* и употребляется также в качестве алфавитного. Знак изображает разведенные руки, может быть, жест отрицания (ср. *ма* — «нет»; *ма* в сложных словах может означать также «рука»).

ti — (третий пример) передано знаком, который встречается и как слоговый, и как алфавитный и обычно употребляется для передачи предлога *ти* — «к», «в», «от». Смысл знака не ясен (может быть, цветок, ср. *тик* — «распускаться»).

Таким образом, ряд знаков «алфавита Ланда» соответствует не произношению, а названиям букв испанского алфавита (например, *be*,

hache, ka, cu). Вероятно, по тому же принципу приведены и некоторые другие знаки, соответственно их идеографическому значению. Этим же объясняется, видимо, перемещение буквы *x* (*equis*), так как у Ланда приведен знак на ее произношение (на месте *s*), но не на название. Фонетические знаки указаны у Ланда в основном правильно, хотя в его «алфавит» попали знаки, обозначающие не только открытые, но и закрытые слоги.

Из трех примеров написания слов, приводимых Ланда, только третий пример (фраза *ma in kati*) не нуждается в комментариях. Первые два примера не поддаются удовлетворительному объяснению. Первый пример никак нельзя прочесть *le* — «силок», а только *el el* — «жечь». Второй пример читается не *ha* — «вода», а может быть *aak chulah* — «смачивать» или *aach-ah* — «сжимать». Вероятнее всего предположить, что Ланда диктовал индейцу эти слова (*le* и *ha*), произнося, по европейскому обычаю, испанские названия букв, в первом примере *ele, e, le*, во втором примере — *hache, a, ha*, в результате чего индеец и написал *el el* и *aach-ah*.

Письменность майя возникла, по-видимому, в первые века до нашей эры, так как в IV в. н.э. она появляется (надписи на камне) примерно в том же виде, что и перед испанским завоеванием. Майя называли письмена *воох*, а рисунки — *ц'иб*. В сохранившихся рукописях текст и рисунки (в красках) идут обычно параллельно (каждая фраза сопровождается рисунком). Один и тот же писец с помощью кисточки из волос и писал текст, и иллюстрировал его рисунками (хотя по существу письменность и живопись уже отделились друг от друга). Благодаря этому среди письмен встречаются иногда настоящие маленькие рисунки, а среди рисунков попадаются идеографические и фонетические знаки (например, в сцене добывания огня, на с. 6 Дрезденской рукописи, бог сверлит не дощечку, *че*, как следовало бы нарисовать, а фонетический знак *че*, изображающий сжатую кисть руки).

Книги майя называли *хуун* или *анальтех* (последнее слово мексиканского происхождения). Бумага для книг делалась из древесной коры. По словам Бельтрана, майя приписывали изобретение письменности богу К'инич Ахаву («Солнечноглазый владыка», эпитет Ицамны). Все источники указывают, что знание письма было исключительной монополией жрецов. Это, конечно, не означает, что письменность была, изобретена жрецами. Изобретение ее относится к тем временам, когда жречество только появлялось.

В иероглифических рукописях майя употребляется около 270 знаков. Фактически количество знаков было, вероятно, больше, так как дошедшие до нас рукописи невелики по объему и очень бедны по словарю. Большинство знаков вписывалось в овал, но наряду с ними имелось довольно много фигурных знаков. По изображенным предметам знаки

можно разделить на несколько групп. Самую обширную группу составляют знаки, связанные с земледелием, изображающие растения, воду и дождь. Далее идут группы знаков, изображающих животных (майя обычно рисовали только голову), постройки, утварь и орудия, а также части человеческого тела. Любопытно отметить отсутствие среди знаков изображения лука. Было довольно много сложных знаков, представляющих собой комбинацию двух и даже больше. При этом знаки обычно вписывались один в другой.

В письменности майя, как и в других иероглифических системах письма, употребляются знаки фонетические (алфавитные и слоговые), идеографические (обозначающие целые слова) и ключевые (поясняющие значение слов, но не читающиеся). Один и тот же знак в разных сочетаниях может употребляться то как фонетический, то как ключевой, то как идеограмма. Например, знак «костра», обычно употребляемый как идеограмма красного цвета (*чак*, в древнем произношении, вероятно, — *тоок*), иногда употреблялся как фонетический знак (*т*). Идеограмма дня Кавак употреблялась также в качестве ключевого знака в смысле «период времени» (в названиях месяцев) и в качестве фонетического в слове *куц* — «индюк»). В некоторых случаях писцы майя употребляли особые значки, показывающие, что знак употреблен в особом смысле. Эти значки можно сравнить с вертикальной чертой в египетской иероглифике или, более отдаленно, с нашими кавычками. Например, фонетический знак *че* с такими значками означал «олень» (*кех*, в древнем произношении — *че*). Знак «растения», обычно идеограмма зеленого цвета (*яи*), при наличии таких значков читался фонетически *халь* (что может означать «стебель», «трава»), как это видно по написанию слова *нохоль* — «юг» (пишется *ма-халь*). Некоторые знаки употреблялись исключительно как идеограммы (особенно изображения животных). Ключевых знаков в письменности майя сравнительно мало. В большинстве знаки майя были фонетическими, преимущественно слоговыми. Поэтому Гаспар Антонио Чи, давая общую характеристику древней письменности, совершенно правильно утверждал, что майя пишут с помощью слоговых знаков (CDU, XI, 52).

Хотя у майя были знаки для обозначения всех основных гласных звуков, при написании слов гласные обычно не выписывались. Это объясняется нестойкостью гласных звуков в языке майя (непоследовательный сингармонизм), так как смысл слова определялся в основном согласными звуками. Поэтому определить точную огласовку древних слов, записанных иероглифами, очень трудно. Одна группа слоговых знаков обозначала закрытые слоги с неопределенным гласным. Так, знак «кулака» (*чук*) употреблялся не только при написании глаголов *учук* — «случаться», *чуксах* — «схватывать», *чукуль* — «рубить», но

и в имени бога Чак. Знак «червя» (*нок*) употреблялся в слове *ц'анук* — «символ». Вторая, самая употребительная группа слоговых знаков обозначала открытые слоги тоже с неопределенным гласным. Эти знаки употреблялись одновременно в качестве алфавитных (обычно в конце слова; см. написание слов *к'уч* — «гриф» и *к'ук'* — «кецаль», *к'ам* — «получать» и *так'-ах* — «брат»). Неопределенность гласных звуков, передаваемых слоговыми знаками, по-видимому, ограничивалась законами перехода гласных. При чтении древних слов приходится условно придавать им огласовку языка майя XVI–XVII вв. Наиболее часто в рукописях майя встречаются, конечно, фонетические знаки, обозначающие суффиксы, префиксы, предлоги, местоимения и так далее, например знак «черпака» — местоименный префикс 3-го лица существительных и глаголов *у-*, знак «дождевой воды» — суффикс глаголов *-ах*, знак «огня» — суффикс существительных *-иль*, знак, обозначающий суффикс причастий, *-аан*, префикс мужского рода и принадлежности *ах*, предлог *ти* — «в», «к», «от» и т. д.

Язык иероглифических текстов значительно отличается по произношению слов, словарному запасу и грамматике от языка майя XVI–XVII вв. Часто встречаются переходы согласных *к — к'*, *ч — т*, *ч — к*, *м — н* и других, отсутствуют некоторые распространенные грамматические формы, есть много непонятных слов. Ниже приводятся примеры написания слов в рукописях майя, преимущественно такие, в которых употребляются знаки «алфавита Ланда».

аак'ил — обновление

анакаан — находящийся

так'ах — брат

це — дерево

ч'е — дерево

ле — силос

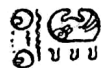
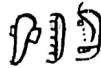

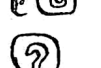

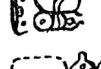
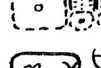
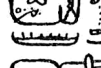

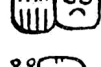

Ч'ель — богиня Иш Чель

икин (ичин) — сова

чен — колодец

- *чаках* — дерево *Bursera Simaruba* (исп. *palo mulato*)
- *у кеч (чич?)* — его жертва
- *кех (че)* — олень
- *ах кех(че)* — охотник
- *бат (у) ках* — бить топором, зажигать факелом
- *к'ам* — получать
- *ул* — приходить
- *улум* — индюк
- *муанил* — облачный (название месяца)
- *у мут* — его птица (тотем)
- *моо* — попугай
- *нак (у) ках* — вознаграждать
- *куц* — индюк
- *цул* — собака
- *цун* — посев (название месяца)
- *к'уч* — гриф
- *к'ук'* — кецаль (птица)
- *суум* — веревка
- *пец'к'ин* — ящерица
- *тиц'билах* — ткать

Чак Шиб Чак (божество); первые два знака — идеограммы, третий — звуковой, четвертый — ключевой

Несмотря на то что некоторые слова прочтены предположительно, сомневаться в достоверности «алфавита Ланда» больше не приходится. Впрочем, расшифровка письменности майя, предложенная автором настоящей статьи в 1950 г., была основана не на «алфавите Ланда», а на сравнительном изучении фраз в сочетании с рисунками. «Алфавит Ланда» является только наглядным доказательством правильности расшифровки. Решающую роль при этом сыграли общие взгляды советских ученых на развитие письменности, вытекающие из материалистического понимания истории общества. Хотя многие зарубежные ученые пользовались при попытках расшифровки сходными приемами и располагали гораздо большим материалом, их неудача была обусловлена предвзятым тезисом об идеографическом характере письменности майя и тому подобными идеалистическими установками.

После испанского завоевания и уничтожения древней письменности у майя вошел в употребление испанский алфавит с несколькими добавочными буквами. Этим так называемым «традиционным алфавитом» написаны все тексты на языке майя колониального периода, в том числе книги Чилам Балам. Ниже приводятся (табл. 4) варианты «традиционного алфавита и различные способы его транскрипции. Единой транскрипции до сих пор не выработано.

В главе LI, заключающей работу, Ланда дает общий обзор результатов испанского завоевания. Как и следовало ожидать от верноподданного защитника интересов церкви и короля, заключение это сводится к беззащитным восхвалениям, расточаемым «католическим» королям, «облагодетельствовавшим» индейцев, прозябавших в «язычестве». В связи с этим следует кратко остановиться на дальнейших судьбах индейцев майя.

Ланда подробно перечисляет ввезенных испанцами домашних животных и культурные растения. Нелишним было бы заметить, что Испания, а затем и весь мир получили от майя не менее ценные культурные растения, например кукурузу, томаты, зеленый перец, какао, ананасы, ваниль, табак, а из других американских колоний еще картофель, подсолнечник и т.д. Что касается ввезенных испанцами культурных растений, то за редкими исключениями ими пользовались только испанские колонисты, а не индейцы. К тому же королевское правительство поспешило запретить возделывать в колониях ряд культур, в частности приказало вырубить виноградники и уничтожить шелководство, дабы не подрывать торговую монополию метрополии. Разведение рогатого скота испанскими помещиками было настоящим бедствием для индейцев, так как стада вытаптывали и уничтожали их посевы. Волнения и столкновения на этой почве не прекращались до конца XIX в.

Таблица 4

«Традиционный алфавит» и способы его транскрипции

п/п №	Ланда	Коронель (1620)	Сан-Буэнавентура (1684)	Словарь из Мотула	Брасёр (1869)	Элер (1887)	Тозер (1921)	Тозер (1941)	Юкатанская энциклопедия (1946)	Условная передача русскими буквами	Характер звука
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	a	a	a	a	a	a	a, ð	a	a	a	a обычное
2	a	aa	aa	aa	aa	aa	aa	aa	aa	aa	a долгое
3	a	a	a	a	a	a	a	a	a'	a	a с гортанным взрывом
4	b	b	b	b	b	b	b	b	b	b	Губной звонкий
5	c	c	c	c	c	c, k	k	c	k	k	Смычный глухой задненёбный
6	ch	ch	ch	ch	ch	ch, tʃ	tʃ	ch	ch	ч	Аффрикат глухой нёбный
7	ch	ch	ch	ch	çh	çh, ch'	tʃ'	çh	ch'	ч'	Аффрикат глухой нёбный с гортанным взрывом
8	e	e	e	e	e	e, ē	e	e	e	e, э	э обычное
9	e	ee	ee	ee	ee	ee	ee	ee	ee	ee, ээ	э долгое
10	e	e	e	e	e	e	e	e	e'	e, э	э с гортанным взрывом
11	h	h	h	h	h	h	h	h	h	х	Щелевой глухой
12	h	j	h, j	h	h	h	Н	h	h	х	Щелевой глухой, усиленный
13	i, y	i	i	i	i	i	i, ī	i	i	и	и обычное
14	i	ii	ii	ii	ii	ii	ii	ii	ii	ии	и долгое

Окончание таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
15	i	i	i	i	i	i	i	i	i'	и	и с гортанным взрывом
16	K, R, c	k	k	k	k	k', c'	q	k	k'	к'	Смычный глухой задненёбный, с гортанным взрывом
17	l	l	l	l	l	l	l	l	l	л, ль	Щелевой зубной сонорный
18	m	m	m	m	m	m	m	m	m	м	Губно-губной носовой сонорный
19	n	n	n	n	n	n	n	n	n	н	Зубной носовой сонорный
20	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o обычное
21	o	oo	oo	oo	oo	oo	oo	oo	oo	oo	o долготное
22	o	o	o	o	o	o	o	o	o'	o	o с гортанным взрывом
23	p	p	p	p	p	p	p	p	p	п	Губно-губной смычный глухой
24	pp, p	pp	pp	pp	pp	pp	p'	pp	p'	п'	Губно-губной смычный глухой, с гортанным взрывом
25	z, ç	z, ç	z, ç	z, ç	z	s	s	s	s	c	Щелевой зубной глухой
26	x	x	x	x	x	š, x	š	x	x	ш	Щелевой нёбный глухой
27	t	t	t	t	t	t	t	t	t	т	Смычный зубной глухой
28	th	th	th	th	th	th	t'	th	t'	т'	Смычный зубной глухой, с гортанным взрывом
29	tz, z, ç	tz	tz	tz	tz	tz	ɔ	tz	ts	ц	Аффрикат зубной глухой
30	tz, z	ɔ	ɔ	ɔ	ɔ	ɔ	ɔ'	dz	ts'	ц'	Аффрикат зубной глухой, с гортанным взрывом
31	u	u	v	u, v	u	u	u, ū	u	u	у	у обычное
32	u	uu	vv	uu	uu	uu	uu	uu	uu	уу	у долготное
33	u	u	v	u	u	u	u	u	u'	у	у с гортанным взрывом
34	u, v	u	v	u	u	u	w	u	w	в	Полугласный щелевой задненёбный звонкий
35	y	y	y	y	y	y	y	y	y	й	Полугласный щелевой передненёбный звонкий

Почти три столетия страшного гнета довели испанские колонии до крайней степени нищеты и разорения. Насквозь продажная колониальная администрация, помещики и церковь старались любыми средствами увеличить свои доходы. «Лютый иберийский лев, набросившись от Геркулесовых столбов на империю Монтесумы и Атагуальпы и овладев несчастной Америкой, в течение нескольких веков высасывал все ее соки», — писали в 1825 г. депутаты, подписывавшие акт о независимости Боливии.

Королевское правительство сделало все возможное, чтобы задержать экономическое развитие колоний. Развитие промышленности строго запрещалось, а торговля была полностью монополизирована «Советом по делам Индий». Испанские товары продавались на колониальных рынках по невероятно высоким ценам, а это влекло за собой еще более жестокую эксплуатацию индейцев, оплачивавших роскошную жизнь своих помещиков.

В течение очень долгого времени господствующей формой эксплуатации индейцев оставалась крепостническая система энкомьенды с принудительным трудом. Целиком зависевшие от произвола помещиков-энкомьендеро индейцы немногим отличались от рабов, хотя по закону считались «свободными». Владельцы энкомьенд пользовались землей и принудительным трудом индейцев, но не были собственниками этих земель. Они получали право пользоваться энкомьендой или пожизненно, или до тех пор, пока соблюдались условия получения энкомьенды. Но наряду с энкомьендами стали играть важную роль крупные частновладельческие поместья (асьенда), возникшие большей частью в результате пожалований больших участков земли испанскими королями в собственность отдельным владельцам. Система энкомьенд стала мешать расширению частновладельческих поместий; кроме того, она препятствовала развитию товарного сельского хозяйства, требовавшего свободных рабочих рук. Поэтому в XVIII в. делаются попытки (хотя и безуспешные) уничтожить энкомьенды и принудительный труд индейцев. Епископ Гомес де Парада, посетивший Юкатан в 1716 г., доносил королю, что положение в стране самое удручающее: духовенство крайне невежественно и развращено, горожане страдают от самой позорной тирании властей, которые бесчестно наживаются на общем обнищании, а несчастные индейцы помещиками превращены в рабов. В 1724 г. по поручению королевского правительства епископ запретил принудительный труд. Но присланный в том же году новый губернатор довел до сведения короля, что индейцев необходимо «разумными методами» принуждать к работе, иначе-де они разбегутся и обленятся. Кроме того, губернатор ссылался на то, что так называемые репартимьенто приносят огромный доход. Эти репартимьенто состояли в том, что индейцам раздавали хло-

пок и небольшие суммы денег, а через 6 месяцев требовали с них, разумеется с ростовщическими процентами, ткани и воск. Король согласился с доводами губернатора и цедулой от 1 июля 1731 г. восставил принудительный труд и репартименто.

Собственники частновладельческих поместий (асьенд) занимались главным образом разведением крупного рогатого скота на естественных пастбищах саванн и кустарниковых лесов и вели торговлю шкурами, говяжьим салом и солониной. Пастбищное скотоводство требовало больших свободных площадей, поэтому индейцев сгоняли с их земель. Лишенные земли индейцы, чтобы не умереть с голоду, принуждены были наниматься батраками к владельцам асьенд. Но заработная плата была настолько ничтожной, что индейцы, принужденные просить ее за много времени вперед, вскоре оказывались в неоплатном долгу. Возникла новая форма эксплуатации, долговая кабала (пеонаж), которая сохраняется в странах Латинской Америки до настоящего времени. Но в колониальные времена наряду с долговой кабалой продолжали сохраняться и самые варварские формы принудительного труда.

Волнения индейцев не прекращались во время всего колониального периода. В 1761 г. вспыхнуло восстание в провинции Сотута. Стоявший во главе его индеец Хасинто принял имя Кан Эк' (родовое имя династии, правившей в Тайясале, у озера Петен-Ица; эту область, окруженную густыми лесами, испанцы завоевали только в 1697 г.).

После того как восставшие индейцы разбили испанский отряд, посланный усмирять их, восстание начало принимать большие размеры и губернатор двинул на его подавление все свои военные силы. Повстанцы, вооруженные мачете (большими ножами), луками и отчасти охотничьими ружьями, не смогли устоять против большого испанского войска. Восстание было подавлено. Колониальные власти запугивали индейцев кровавыми расправами. На главной площади Мерида вождь восстания Хасинто Кан Эк' был растерзан раскаленными щипцами, восемь его соратников повешено, а двести других участников восстания получили по 200 ударов плетью.

Провозглашение независимости Мексики и Гватемалы в 20-х годах XIX в. ничего не изменило в положении индейских народных масс. Территория расселения майя оказалась разрезанной новыми государственными границами. Обезземеливание и нищета индейского населения продолжали увеличиваться. В 40-х годах XIX в. в Юкатане вспыхнуло крупнейшее восстание индейцев, переросшее в борьбу за независимость и получившее название «войны рас» (La Guertade Castas). В это время креолы — помещики Юкатана — вели с переменным успехом борьбу за отделение от Мексики, стремясь образовать независимое государство. В военных действиях против мексиканцев принимали учас-

тие и индейцы, призванные в войска юкатанских сепаратистов. Благодаря этому многие индейцы оказались вооруженными.

В середине 1847 г. индейцы составили заговор, во главе которого стояли Сесилио Чи (кастик Ичмуля), Хасинто Пат и Бонифасио Новело. Власти узнали о подготовке восстания, перехватив письмо Сесилио Чи к влиятельному касику Антонио Ай. Последний был схвачен и расстрелян. Губернатор приказал арестовать индейских вождей. Это послужило сигналом к восстанию. Юкатанское правительство пыталось приостановить его жесточайшим террором. Военный Совет в Мериде за несколько дней расстрелял более 200 индейских касиков и должностных лиц и более 100 сослал на каторгу. Правительственные отряды жгли селения и расстреливали жителей. Но террор только придал восстанию больший размах.

Индийские вожди действовали независимо друг от друга, что дробило силы восставших. Сесилио Чи выдвинул программу полного изгнания белых из Юкатана и восстановления доиспанских порядков. Хасинто Пат выступал с более умеренной программой, имея главной целью добиться уступки индейцам определенной территории.

В результате успешного наступления индийские войска заняли Сотуту, Вальядолид и Исамаль, и к середине 1848 г. почти весь Юкатан оказался в их руках, кроме Мериды и узкой полосы вдоль западного берега. Юкатанские власти, лишившись территории и населения, то пытались вести переговоры с восставшими, то обращались к великим державам с мольбами защитить их от «варваров». Наконец, мексиканское правительство, встревоженное волнениями индейцев в самой Мексике, согласилось помочь юкатанским властям, потребовав от них отказа от сепаратистских попыток. В конце 1848 г. мексиканские войска начали контрнаступление. В это время из-за внутренних распрей погибли выдающиеся индийские вожди Сесилио Чи и Хасинто Пат. Мексиканским войскам удалось отеснить восставших индейцев в юго-восточную часть Юкатана. Эта область еще полвека оставалась независимой. В результате зверского избиения жителей мексиканскими войсками численность населения в Юкатане сократилась наполовину.

Центром независимой индийской области стало основанное в 1851 г. селение Чан Санта-Крус. Мексиканские войска неоднократно вторгались в индийскую область, а в 1860 г. даже взяли Чан Санта-Крус, но каждый раз были вынуждены отходить, не выдерживая партизанской «лесной войны». Тем не менее эти вторжения, сопровождавшиеся сожжением сел и массовым избиением жителей, сильно ослабили независимых индейцев. В 1899 г. юкатанский генерал Игнасио Браво начал наступление на независимую индийскую область и в 1901 г. взял и разрушил Чан Санта-Крус. Мексиканское правительство отказалось при-

знать эту область частью штата Юкатан, и она вошла в состав Мексики под названием «территории Кинтана Роо».

С начала XX в. экономикой Мексики и всей Центральной Америки начали завладевать монополии США. Климатические условия и почва в Юкатане оказались подходящими для выращивания агав, дающих текстильное волокно (хенекен, или сизаль). Когда в США повысился спрос на волокно, юкатанские помещики заняли свои земли под плантации агав. Почти вся продукция хенекена идет на экспорт в США. На плантациях работают индейские батраки — пеоны, по существу на положении крепостных. Революция 1910–1917 гг., в которой принимали участие и индейцы майя (в армии Сапаты), ничего не изменила в их положении. Половинчатые земельные реформы правительства Карранса не распространялись на Юкатан. Только при правительстве Карденаса (1934–1940 гг.), когда земельная реформа начала осуществляться более энергично, часть плантаций хенекена была передана индейским общинам (эхидо), но с приходом к власти ставленника крупной буржуазии Камачо раздача земель крестьянам прекратилась и даже уже розданные земли власти стали возвращать помещикам. Индейские крестьяне по-прежнему живут в ужасающей нищете.

Положение индейцев майя в Гватемале, где они составляют абсолютное большинство населения, ничем существенным не отличалось от положения индейцев в Мексике. С начала XX в. экономикой Гватемалы завладели монополии США. Власть монополий особенно усилилась при реакционном правительстве генерала Хорхе Убико (1931–1944 гг.). Диктатура Убико превзошла по жестокости все деспотические режимы, которые пережила Гватемала. Это правительство представляло интересы помещиков-феодалов, которые добились отмены демократических свобод, варварски угнетали рабочих и крестьян, убивали прогрессивно настроенных деятелей. Помещики-феодалы в проведении своей политики пользовались поддержкой монополий США, которым они безоговорочно передали основные богатства республики в обмен за полицейскую помощь. Гватемала превратилась в вотчину «Зеленой империи», так называют всесильную в Центральной Америке «Юнайтед фрут компани» (Объединенная фруктовая компания). Эта компания вместе со своим филиалом «Компания агрикола де Гватемала» захватила все банановые плантации и распоряжалась почти четвертой частью земель. В ее руки попали морские порты и суда, а вместе с ними и вся внешняя торговля Гватемалы. Железными дорогами завладела компания «Интернейшнл рейлуэйз оф Сентрал Америка», большую часть акций которой контролирует «Юнайтед фрут компани». Производство всей электроэнергии страны монополизировала фирма «Эмпреса электрика де Гватемала», тесно связанная с североамериканским трестом «Электрик бонд энд шейр». Монополии США грабили гватемальский народ и при-

родные богатства страны, получая сказочные прибыли. Развитие других отраслей экономики искусственно задерживалось. Земли, которыми не завладели монополии, сосредоточили в своих руках 20 помещиков. Система огромных латифундий привела к тому, что часть земли оставалась необработанной, а на обработанных землях культивировался главным образом кофе. Этот кофе скупали монополисты США и перепродавали другим странам. Вывоз по дешевым ценам кофе, получаемого отсталыми методами, возможен только благодаря безудержной эксплуатации пеонов. Средний дневной заработок сельскохозяйственного рабочего определялся в 0,15 кецала (кецал равен американскому доллару). Тысячи крестьян, особенно широкие слои деревенской бедноты, которая составляет более 50 % всего населения страны, не владели даже маленьким клочком земли. Они работали от зари до зари, но их каторжный труд не обеспечивал им даже нищенского существования. На их долю оставались только голод, болезни и смерть.

В 1944 г. патриоты Гватемалы поднялись на борьбу против диктатуры Убико и свергли его. Пришедшее к власти правительство народного фронта во главе с д-ром Аревало установило демократические свободы и приняло меры по ограничению хозяйничанья иностранных монополий. Была введена новая конституция, предоставившая право голоса всем мужчинам и грамотным женщинам, легализованы профсоюзы и другие общественные организации, разработана программа просвещения среди индейцев. Эти меры и особенно решимость нового правительства отстаивать интересы республики от иностранных монополистов вызвали у последних бешеную злобу. В течение шести лет империалисты США совместно с реакционными силами внутри страны организовали свыше 30 заговоров с целью свергнуть правительство Аревало.

На президентских выборах 1950 г. реакционеры и ставленники американских монополий потерпели решительное поражение. К власти пришло правительство Хакобо Арбенса — кандидата национально-освободительного фронта. На протяжении последних лет правительство Арбенса провело ряд прогрессивных мероприятий с целью освобождения страны от феодального и империалистического гнета. Вопреки приказу американской военщины Гватемала отказалась послать свои войска в Корею. Важнейшие мероприятия правительства Арбенса — земельная реформа и экспроприация необработанных земель, принадлежащих монополистам. По закону о земельной реформе подлежали распределению все арендуемые земли, все участки свыше 180 гектар, если они не обрабатывались владельцами, и государственные земли. Земельная реформа гарантировала охрану и неприкосновенность земель индейских общин, которые владели ими с давних времен. В некоторых случаях это земли, оставленные индейцам еще испанскими

завоевателями или переданные во владение индейским общинам правительством Хусто Руфино Барриоса (1871–1885 гг.), при котором были ликвидированы церковные латифундии и сломлено феодальное могущество церкви. Индейские общины на своих землях сохраняют почти без изменения древние приемы земледелия.

Декретом от 28 февраля 1953 г. правительство Арбенса национализировало 89 929 гектар земель, принадлежавших «Компания агрикола де Гватемала», что составляет 80 % земли, которой компания владела на тихоокеанском побережье Гватемалы. В результате национализации компания потеряла монополию на торговлю бананами (которая является одним из главных ресурсов Гватемалы). Монополисты развернули отчаянную борьбу против гватемальских патриотов. Были пущены в ход все средства — экономическая блокада, покушения на прогрессивных лидеров, военные заговоры. В конце марта 1953 г. был организован путч в г. Салама, поддержанный фашиствующими правительствами соседних центральноамериканских государств. Когда всего этого оказалось недостаточным, чтобы свергнуть демократическое правительство Арбенса, «Юнайтед фрут компани» с помощью госдепартамента США приступила к сколачиванию военного блока против Гватемалы и подготовке открытой интервенции под предлогом «борьбы с коммунизмом» и «угрозы стратегическим флангам США».

В борьбе с монополистами и внутренней помещичье-феодальной реакцией окрепли и закалились борцы за национальную независимость. Рабочие и крестьяне, объединенные Всеобщей Конфедерацией трудящихся Гватемалы (которая вошла в Конфедерацию трудящихся Латинской Америки и Всемирную Федерацию профсоюзов) решительно выступили против гнусных происков империализма. Правительство Арбенса поддержали партии национально-освободительного фронта, в том числе Гватемальская партия труда, влияние которой неуклонно растет, а число членов увеличилось за 3 года (1949–1952) в 14 раз. Прогрессивных деятелей искусства — поэтов, музыкантов, художников — объединила группа «Сакерти» («Рассвет» — на языке какчикелей), возникшая в 1945 г. Эта группа следует в своем творчестве народным традициям, изучает фольклорные богатства страны и ведет борьбу с идеями космополитизма и расизма, которыми монополии США стараются отравить сознание трудящихся¹.

¹ В июне 1954 г. в результате вооруженной интервенции и государственного переворота, организованного послом США Перифу, власть в Гватемале захватила военная клика во главе с предводителем интервентов Кастильо Армасом, установившая в стране режим кровавого террора. См. брошюру «Народ Гватемалы и “Юнайтед фрут компани”». М., 1954.

* * *

Сокращенную копию рукописи Ланда открыл зимой 1863 г. французский американист Брассёр де Бурбур в библиотеке Академии истории в Мадриде. В настоящее время существуют следующие издания текста.

1. Шарль Этьен Брассёр де Бурбур. Лион; Париж, 1864: Charles Etienne Brasseur de Bourbourg. Relation des choses de Yucatan de Diego de Landa. Paris, 1864.

Испанский текст, французский перевод, обширная вводная статья «Источники древней истории Мексики» и приложения: отрывки из других авторов, хроника на языке майя, грамматика и глоссарий языка майя. Есть ошибки в чтении слов и пропуски. Опущены главы XLIII–LII и две карты, найденные вместе с рукописью. «Алфавит» майя дан без факсимиле, причем в него произвольно добавлены некоторые знаки, взятые из примеров написания слов, и фантастический «знак придыхания». Текст произвольно разделен на главы. Это деление на главы, введенное Брассёр де Бурбуром, сохраняется во многих позднейших изданиях, в том числе и в настоящем.

2. Хуан де Диос де ля Рада-и-Дельгадо, Мадрид, 1881: Juan de Dios de la Rada y Delgado. Manuscrito de Diego de Landa tornado directamente del linico ejemplar que se conoce y se conserva en la Academia de la Historia. Madrid, 1881.

Полный испанский текст. Встречаются некоторые ошибки, особенно в чтении собственных имен. Деление на главы отсутствует. Карты, сопровождающие рукопись, не изданы.

3. «Собрание неизданных документов», сер. 2, т. XIII. Мадрид, 1900: Coleccion de documentos ineditos relativos al descrtibrimiento, conquista y organizacion de las antiquas posesiones Espanoles de Ultramar, S. 2, v. 13, 265–411. Madrid, 1900.

Опущена часть текста, соответствующая главам XXXIV–XLII. Деления на главы нет. В тексте много опечаток и неточностей.

4. Жан Жене. Париж. 1928–1929: Jean Genet. Diego de Landa. Relation de choses de Yucatan. Texte espagnol et traduction francaise, v. I–II. Paris, 1928–1929.

Том I (гл. I–XXXIII) и II (гл. XXXIV–XLI). Третий том не вышел. Испанский текст, точно воспроизводящий рукопись, и французский перевод. Тексту предпослана вводная статья (биография и источники Ланда). Деление на главы по Брассёр де Бурбуру.

5. Вильям Гейтс. Балтимора, 1937: William Gates. Yucatan before and after the Conquest by Friar Diego de Landa with other related documents, maps and illustrations. Translated with notes. Maya Society Publication № 20, Baltimore, 1937.

Английский свободный перевод, не придерживающийся точно испанского текста. Иероглифы месяцев даны не по рукописи Ланда и в схематизированном виде. Изданы сопровождающие рукопись карты. В виде приложения даны некоторые документы XVI в. на языке майя. Деление на главы по Брассёр де Бурбуру до гл. XLII; далее названия глав даны самим Гейтсом.

6. Хосе Росадо Эскаланте и Фавила Онтиверос. Мерида, 1938: Jose E. Rosado Escalante y Favila Ontiveros. Relacion de las cosas de Jucatan sacados de lo que ascribo el padre Fray Diego de Landa de la Orden de San Francisco. MDLXVI. Primera Edicion Yucateca. Precedida de una “Nota sobre la vida y la obra de Fr. Diego de Landa”, escrita por el Profr. Don Alfredo Barrera Vasquez, y la seguida

un Apéndice que contiene la reimpression de diez relaciones de las escritas por los encomenderos de Yucatan en los años de 1579 y 1581. Merida, 1938.

Полный испанский текст и вводная статья о жизни и трудах Диего де Ланда, написанная проф. Альфредо Баррера Васкесом. В качестве приложений даны другие источники XVI в.

7. Гектор Перес Мартинес. Мексико, 1938: Hector Pérez Martínez. Relacion de las cosas de Yucatan por el P. Fray Diego de Landa, Obispo de esa diócesis. Introducción y notas. Séptima ed. Con un apéndice en el cual se publican por primera vez varios documentos importantes y cartas del autor. Mexico, 1938.

Полный испанский текст. В качестве приложений даны различные важные документы, публикуемые впервые.

8. Альфредо Баррера Васкес. Мексико, 1938: Alfredo Barrera Vásquez. Diego de Landa. Relacion de las cosas de Yucatan. Mexico, 1938.

9. Альфред Тоззер. Кембридж, Массачусетс, 1941: Alfred M. Tozzer. Landa's Relacion de las cosas de Yucatan. Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, v. XVIII. Cambridge, Massachusetts, U.S.A., 1941.

Точный английский перевод с громадным количеством примечаний (1153). Даны все разночтения и приведены параллельные места из других источников. Издание снабжено подробным указателем. Деление на главы отсутствует.

Публикуемый перевод на русский язык сделан с изданий испанского текста (Жене и «Собрание неизданных документов») и сверен с французским и английским переводами Жене, Гейтса и Тоззера. Указано деление на главы, предложенное Брассёр де Бурбуром, но названия глав сокращены. В квадратных скобках даны поясняющие текст слова, отсутствующие в подлиннике. В круглых скобках приведено написание имен собственных, географических названий и слов языка майя по рукописи, а в русской транскрипции дано их правильное произношение. В качестве иллюстраций использованы наиболее ранние по времени зарисовки памятников древности, изданные Стефенсом, фотографии некоторых произведений искусства и рисунки из Дрезденской и Мадридской рукописей майя. Часть иллюстраций помещена среди тех страниц текста Ланда, к которым они относятся (рисунки, перенумерованные арабскими цифрами). Остальные иллюстрации сосредоточены в конце книги (таблицы, перенумерованные римскими цифрами). Иллюстрации, сделанные самим Ланда, названы фигурами, и ссылки на них даны в квадратных скобках в соответствующих местах текста.